

18+

Людмила ЗИМОВСКАЯ

Улыбка
сквозь трамвайное
окно

Лидия Зимовская

Улыбка сквозь трамвайное окно

«Издательские решения»

Зимовская Л. Ф.

Улыбка сквозь трамвайное окно / Л. Ф. Зимовская —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500464-2

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ,
ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ
ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН
И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ
ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.** Лидия Зимовская по образованию и основному роду
деятельности журналист. Литературным творчеством занимается с юности,
но на серьезную прозу вышла, имея за плечами жизненный опыт. В книгу
«Улыбка сквозь трамвайное окно» вошли не выдуманные автором истории.
Это осмысленные и записанные судьбы людей. Тему книги автор определила
так: «Миром правит любовь. Это чувство ведет на подвиги и преступления,
дает силы терпеть и надеяться, из чего и складывается жизнь». Рисунки
Галины Петровой.

ISBN 978-5-00-500464-2

© Зимовская Л. Ф.
© Издательские решения

Содержание

ЧАСТЬ 1.	6
Рыжая цыганка	7
Алькина любовь	11
Сыновья Анны	20
Алеша	20
Илюша	23
Нищий	26
ЧАСТЬ 2. Улыбка сквозь трамвайное окно	28
Улыбка сквозь трамвайное окно	29
Благородная Нинель	37
Гроза в августе	41
Неродная	43
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Улыбка сквозь трамвайное окно

Лидия Федоровна Зимовская

© Лидия Федоровна Зимовская, 2021

ISBN 978-5-0050-0464-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ЧАСТЬ 1.
Это было со мною...

Рыжая цыганка

Окраина города была сплошь застроена старыми частными домами. Начали ставить их еще до войны выехавшие из деревень молодые семьи. Когда вербовщики из города агитировали мужиков ехать работать на строящийся завод, сорвались с места даже женатые: больно уж в деревне надоело за одни палочки пахать. Лесу в округе много, переселенцам разрешили строиться, так что скоро в город и семьи перебрались. А уж достраивался район постепенно после войны.

Наш дом, крайний в проулке, ставили последним. «Строила» его даже я. Как потом рассказывала мама, за несколько месяцев до моего рождения она помогала отцу строгать доски, а я буянила в ее животе, требуя отдыха. В дом заселились, когда маму выписали из роддома. Обычно в новый дом первой запускают кошку. А здесь роль кошки выполняла я. Еще шутили, что всех детей находят в капусте, а меня нашли в стружках.

На тихой улочке от переулка до переулка стояло шесть домов с одной стороны, шесть с другой. Машины здесь ходили редко, разве что дрова кому подвезут. Возле домов ровным ковром росла трава, в песке пурхались куры, их держали в каждом дворе. Довоенных детей было немного, да и все они выросли, зажили своими семьями. Зато послевоенных было десятка два – от старших школьников до детсадовской мелюзги. Вместе носились по улицам, ходили на реку, целой ватагой отправлялись в лес за ягодами или грибами. Взрослеющие мальчишки построили у нашего двора турник, во дворе соорудили боксерскую грушу, набив опилом мешок из-под картошки. Парни «качали силу» – готовились в армию.

У девчонок же главным занятием было обновлять кукольный гардероб. Обменивались лоскутками, одалживали друг другу цветные нитки. Самой богатой была я. Мама, хорошая швея, всем окрестным модницам шила платья на заказ. Лоскутки доставались мне, да еще какие! И крепдешинные, и шерстяные, и бархатные.

Дружно жили между собой и бабы. В свободную минутку забегали друг к другу поболтать. А зимними вечерами, бывало, прихватив с собой вышивку или вязание, и вовсе часами просиживали у кого-нибудь в избе. Пели песни – старинные и совсем новые, что каждый день крутили по радио. Праздники справляли вскладчину, собираясь то в одном доме, то в другом.

Зимой умерла вдова, что жила рядом с теткой Ирой. Жила одна, муж и сын ее погибли на фронте. Изредка нашу соседку навещали дальние родственники, они ее и похоронили. Первое время бабы поволновались: какие будут новые соседи? Но дом стоял заколоченный, летом родственники старушки посадили огород, однако переезжать в дом не собирались, у них было свое жилье. Наш околоток по-прежнему зажил безмятежно одной дружной семьей.

Следующей весной дом продали. И понеслась от двора ко двору тревожная новость: поселились у нас в соседях цыгане. Запирай ворота: начнут теперь воровать все, что под руку попадет. Уходя на работу, детям наказывали сидеть запершись, а в школу пойдем, ключ на привычном месте не оставлять, пусть забирает с собой тот, у кого раньше уроки кончаются. Вечером проверяли, на месте ли поросята, да пересчитывали кур. Но ничего в нашей жизни не менялось, ни у кого ничего не пропадало. И скоро тревога улеглась. Дети есть дети, быстро перезнакомились с цыганятами, вместе играли. Один из них стал учиться в нашем классе, кое-как перебиваясь с двойки на тройку.

Сколько в той цыганской семье человек, сосчитать было трудно. Видимо, главная была бабушка, потому что все ее слушались, хотя дальше лавочки возле своего дома она почти не отходила – болели ноги. Мать этих многочисленных цыганят звали Розой. Хотя и носила она длинную широкую юбку и цветастый платок с кистями, на настоящую цыганку как-то не походила. Не была она крикливой и приставучей, как те цыганки, которые изредка появлялись на нашей улице и предлагали бабам погадать. Волосы у Розы были вроде и цыганские – кудря-

вые, но не черные, а темно-рыжие. Мужа ее, высокого черного цыгана, видели редко и побаивались. Дочь была чуть постарше нас – лет шестнадцати. Самым смешным был цыганенок Мишка. Влюбился в мою подружку. Совсем еще пацаненок, на полголовы меньше ее, а туда же: «Вот вырасту, женюсь на тебе». Мы смеялись, он горячился, отчего становилось еще потешнее.

Когда в огородах почти отсадились, тетка Ира побежала по дворам:

– Цыгане огород копают, дайте картошки на семена.

А то как-то пришла тетка Ира вместе с Розой:

– Может, какая лишняя посуда есть, одолжите. Я им чугунок дала.

Моя мама достала из-под печи чугунную сковороду, ею уже давно не пользовались. Заглянула в стол, перебрала миски, нашла одну с отколотой с краю эмалью. Потом подумала и добавила две алюминиевые ложки. Роза все взяла, сказала «спасибо». Так по домам разных кастрюлек-тарелок и набрали.

Как-то смотрю, маленькие цыганские девочки бегают по улице в моих старых платьях, из которых я давно выросла. Выбросить жалко, еще целые. Видно, мама и отдала их цыганке Розе. Так смешно было: будто себя вижу со стороны. В конце весны цыгане старшую дочь выдавали замуж. Нам, четырнадцатилетним, трудно было поверить, что эта девчонка скоро, может, станет матерью, ведь она почти наша ровесница.

Тетка Ира привела Розу и невесту к моей матери:

– Нюра, сшей невесте обновку к свадьбе.

Развернули принесенную с собой ткань: на юбку – потемнее, на кофту – светлую в мелкий цветочек.

Мама никогда не шила кофты с оборками на цыганский манер, но взялась. Наряд невесты получился замечательный – мама придумала какие-то необыкновенного фасона рюшечки на груди. Роза достала деньги за работу швее.

– Да ладно, не надо, пусть носит, – отказалась мама.

Бабы удивлялись: чего это Ира так печется о цыганах, своих что ли забот мало? Сами же пытались найти ответ на свои вопросы. Правда, дети у Иры отделились, младший Вова и тот уже взрослый. Внуки живут в соседнем городе, к бабушке наезжают нечасто. И она, привычная заботиться о большой семье, не может сидеть без хлопот. Да опять же ближайшая соседка – ее огород от цыганского отделяет лишь ветхий заборчик. Изредка видели, как присаживалась тетка Ира к старухе-цыганке на низкую лавочку. У нее тоже были больные ноги, может, советовалась, чем лечить. Иногда Роза подходила к соседнему двору. А цыганята и вовсе частенько висли на тетке Ириных воротах, а она их подкармливала то шанежками, то пирожками, стряпать которые была мастерица.

Осень, уже убрали огороды, зарядили дожди, как прошел слух, что продают цыгане дом. И правда, вроде и собирались они осесть, да не выдержала цыганская душа: потянуло в теплые края. Роза пошла по дворам отдавать кастрюли-тарелки, что одолжили ей соседи. Ничего не перепутала. Мама побрезговала есть из сковородки и миски, что вернула цыганка, поставила их во дворе под корм курам.

Цыгане погрузили на телегу узлы с одеждой, мешки с картошкой и уехали по грязной, размытой дождями улице.

Тетка Ира семенила за телегой на больных ногах, остановилась возле угла, за который завернула лошадь, взмахнула на прощание рукой, когда Роза обернулась. Стащила с седых, некогда пышных кудрявых волос платок и стерла катившуюся по морщинистой щеке слезу. Увидела маму, вышедшую на крыльцо.

– Нюра, уехала моя дочка, Розочка моя, – запричитала тетка Ира.

– Ты чего говоришь-то, какая дочка? А ну-ка заходи, заходи в дом.

– Ой, матушка, грех-то какой на мне, – вздохнула соседка, опускаясь на табуретку.

Сашу моего на войну забрали сразу же. Оставил меня с четырьмя детьми мал мала меньше, Рите был всего годок. Мы еще и не знали, что я пятым была беременная. А в конце лета пришла бумажка «пропал без вести».

В марте родилась у меня девочка. Жили впроголодь, детей кое-как накормлю, а сама уж ладно. Молоко пропало, кормить малышку нечем. А тут цыганский табор на окраине остановился. Ходили по дворам, гадали. Я последний кусок хлеба отдала, лишь бы узнать, жив ли Саша. Увидела цыганка моих голодных детей. А тут еще дочка в люльке закричала, а мне ей в рот и сунуть нечего. Достала цыганка грудь и накормила ее. Затихла девочка у нее на руках – уснула сытая.

– Как зовут? – спрашивает.

Я и имя еще не дала. Думала, все равно умрет скоро с голоду. Говорит мне тогда цыганка:

– Отдай мне девочку. У меня тоже сынок только что родился. Молока много, выкормлю.

Хоть и нагадала цыганка, что жив мой муж, не очень-то я ей поверила: вестей от него так и не было. А как не вернется? Мне бы хоть четверых поднять. И отдала я цыганке девочку. Соседкам сказала, что умерла. Они поверили, тогда с голоду младенцы часто умирали.

Письмо от Саши пришло почти через год. Был он в окружении, воевал в партизанах, потому и не было от него так долго никаких известий. Саше я про дочку не написала. Из соседок никто ничего не видел. Дети маленькие, несмышленные, куда сестричка делась, и не поняли. Цыганский табор уехал, неизвестно куда. Одна я знала тайну. Да еще не кончилась война. Останется ли жив Саша? Да не умерла ли у цыган девочка, больно уж она была слабенькая?

Муж, слава Богу, вернулся. Раненый, контуженный, но живой. Уж в самом конце войны сильно его ранило, полгода в госпитале лежал. Да и дома еще сколько поправлялся. На завод по здоровью не взяли, на лошади в больнице работал до самой смерти. Да ты сама знаешь.

Все хотела рассказать Саше о дочке. Да сначала жалела, что он болеет очень. Потом боялась, ругать будет. А в 49-м Вова родился, я и сама о дочери, отданной цыганам, забыла. А тут они и приехали.

– Да почему ты знаешь, что твоя эта дочь?

– Так ведь старуха-то и есть та цыганка, которой я отдала ребенка. Я ее сразу узнала. Да и дочка на меня похожа: в молодости из-за таких же темно-рыжих кудрявых волос влюбился в меня Саша.

Когда Роза выросла, спрашивала мать, почему она не такая, как все цыганки: и кожа белая, и волосы светлые. Та сказала ей, что мать у нее русская. Сколько лет упрашивала Роза поехать в город, где останавливался в тот военный год табор: вдруг жива ее русская мать. Так хотела увидеть она меня. Уломала старуху. Приехали. Узнали, что и дом как раз продается по соседству, вот и поселились.

Детки Розины – это ж внуки мои, родные, хоть и цыгане. Ведь хорошо-то как: жили рядом, я внучков своих полюбила, они ко мне привязались. Но разве могут усидеть на месте, раз уж всю жизнь привыкли кочевать. Вот и засобиралась старуха, как холода подошли. Уж как я уговаривала Розу остаться. А она только сказала:

– Я ведь цыганка, мама.

Алькина любовь

Любовь первая (Письмо)

«Здравствуй, дорогая подружка».

Что это случилось с Алькой? Никогда не было в наших отношениях с лучшей школьной подругой этого «сиропу»: мы не ходили, как другие девчонки, под руку на переменах и не сюсюкали. Гораздо больше признательности и верности было в привычных «Алька»—«Лидка».

Первую разлуку мы с ней пережили тяжело: восемь лет за одной партой и все домашние задания вместе, а тут я – в девятый класс, а она – в строительный техникум. Но была у моей Альки мечта работать, как и отец, прорабом на стройке. Все равно мы каждый вечер встречались, и новостям не было конца.

Не судьба была сбыться Алькиной мечте. Не ее личная судьба, родственников. Старшую сестру Галя с маленьким сыном бросил муж. Однажды вечером пришла она домой, а там записка: «Я уехал, не ищи». Как это не ищи? Конечно, искала. По слухам, сбежал он с двоюродной сестрой жены в Киргизию к дальним родственникам. Галя, не посоветовавшись с отцом-матерью, собрала малыша и махнула разыскивать беглеца. Нашла, а что толку: все равно он к ней не вернулся. Галя в письмах жаловалась матери, что жить ей тяжело, работу нашла, а с ребенком посидеть некому.

Мать уговорила Альку поехать на помощь к сестре. Та бросила в середине первого курса строительный техникум, правда, вместе с документами взяла справку и на следующий год начала учиться в плодово-ягодном техникуме – об этом она, конечно, в школе не мечтала.

Расставаясь по-настоящему, мы пообещали писать друг другу часто-часто. И обещания выполняли. Алька присылала мне фотокарточки, где она снималась с племянником Андрюшей вдвоем. Я удивлялась: кто больше мать – Галя или моя Алька?

Все потихоньку утряслось. Андрюшу отдали в детсад. У Альки появились новые друзья, я не ревновала к ним. А очень хотела как-нибудь откликнуться на настойчивое приглашение подруги и приехать к ней в гости, познакомиться с теми девчонками и ребятами, о которых она рассказывала в письмах.

Конечно, влюбившись впервые в жизни, Алька сообщила об этом мне. В каждом письме она находила новые слова, какой хороший, внимательный, ласковый ее избранник, каждая строка просто излучала любовь. Забыв написать необходимое «здравствуй», мимоходом сообщив о своих делах и проказах племянника, она подробно описывала, как он держал ее за руку, как на нее смотрел.

Открывая конверт, надписанный Алькиной рукой, я рассчитывала прочитать очередную серию истории ее первой любви, оказалось, серия была последней.

«Здравствуй, дорогая подружка.

Ты не можешь себе представить, что случилось за последнюю неделю. Как я любила (наверное, все еще люблю) Алика! Я даже не задавала себе вопроса, почему он выбрал меня: я ведь обыкновенная, никакая не красавица, а ему столько девчонок глазки строили. Я даже гордилась: вы хоть из кожи лезьте, а выбрал он меня, значит, нашел что-то особенное.

А потом и про это не вспоминала, только мы двое существовали на свете, даже нет: он один! Алик сказал, Алик решил, Алик велел... Ведь он, правда, был очень внимательным: цветы дарил, на руках носил, всегда тут как тут, если в чем-то помочь надо. Сестра говорила: «Он – твоя судьба, у вас даже имена одинаковые».

Я чувствовала: Алик вот-вот сделает мне предложение, представляла, как это произойдет и что я ему отвечу, нет, пожалуй, ничего говорить не буду, просто крепко-крепко поцелую, и он все поймет, ведь мы уже научились понимать друг друга без слов. А потом я пришлю тебе

на самой красивой открытке приглашение на свадьбу, и на этот раз ты обязательно приедешь. А потом представляла, какая у нас будет свадьба. Я была такая счастливая в своих мечтах.

Он сделал мне предложение. Пришел однажды под вечер. Таким растерянным я его еще не видела. Молчал, но я же чувствовала: что-то случилось. Спросила. Оказалось, что в дом его родителей пришла молодая женщина, оставила новорожденного ребенка и записку. Мол, вот, Алик, твоя дочь, а я уехала. Ребенок, действительно, его, он встречался с этой женщиной и бросил ее. Родители велели Алику срочно жениться, чтобы у девочки была мать. Вот он и пришел ко мне. Я отказалась.

Знаешь, я тогда еще не думала о том, что он мне изменял или делил свою любовь на нескольких, просто вместо сердца я почувствовала внутри тяжелый камень, он становился все больше и больше и уже невозможно было ни о чем другом думать, кроме этой тяжести. Утром я проснулась, но не хотелось одеваться, куда-то идти, что-то делать: какое несчастье свалилось на меня и за что?

Алик нашел себе невесту. За него согласилась выйти замуж моя техникумовская подруга. Оказывается, его любви хватало на всех: и на меня, и на мою однокурсницу, и на ту, что родила и оставила ему ребенка, может, еще на кого.

Они пригласили меня на свадьбу. Сначала я восприняла это как насмешку. Потом подумала: а почему нет? И пошла. До сегодняшнего дня я не проронила ни слезинки. А сегодня сидела на этой свадьбе какая-то отрешенная, хотя улыбалась, шутила, делала вид, что мне все равно, даже пыталась изображать равнодушную, когда на крики «горько» он целовал свою невесту – не меня. И вдруг мне так захотелось плакать, кому-то рассказать, как мне плохо. Я ушла со свадьбы, пишу тебе, а сама никак не могу остановить слезы».

Любовь вторая, она же последняя

Кончался сентябрь, но во Фрунзе еще совсем не чувствовалась осень. Было жарко, рынки переполнены фруктами. Алька знала, что все это уже не ее, что пора возвращаться домой – на холодный, дождливый Урал.

Вот-вот начнутся занятия в техникуме. Алька не могла представить, как она встретится на занятиях со своей техникумовской подругой (бывшей подругой!). Она не хотела видеть ни ее, ни своего бывшего жениха, не хотела вспоминать о их свадьбе, высидеть на которой даже час было большим мучением. Ее не обрадовало бы даже известие о том, что их семейная жизнь не заладилась. Вот чего Альке хотелось, так это забыть о своей сначала такой счастливой, а оказалось, такой несчастной первой любви.

Сестра Галя окончательно поставила крест на бросившем ее муже. Все чаще проводила вечера в компании друзей, благо маленького сына Андрея было с кем оставить – последний месяц Алька из дому почти не выходила. Потом Галя намекнула сестре, что уже давно встретится с Сашей, он их земляк, тоже жил на Урале. Они, наверное, поженятся. Хорошо бы отправить Андрюшу к матери, хотя бы на первое время.

Алька ходила в техникум и забрала документы. В тот же день купила билет на поезд. Сестра сама вызвала мать на переговоры. Чтобы та не волновалась, наврала с три короба: Алька едет домой, потому что не переносит жару, во Фрунзе ей не климат. Между делом предупредила, что Андрюшу отправляет бабушке, не уточнив, надолго ли. А уже потом дома уговорила сестру взять ребенка с собой, сказав, что мама соскучилась по внуку и просила его привезти, раз уж Алька все равно едет. А потом видно будет, как забрать Андрея. Может, она сама скоро приедет в отпуск.

Дома было все спокойно. Родители обрадовались ее приезду, особенно отец. Ее не огорчал даже непрерывный дождь за окном, ведь она была в родных стенах. Только одно мучило: надо было чем-то заниматься. В строительном техникуме, откуда она полтора года назад забирала документы, восстановиться не удалось. Пожилая чопорная дама в канцелярии сказала:

– Вы что, девушка, думаете, у нас проходной двор: захотел – ушел, захотел – пришел? За два года вы забыли все, чему вас учили на первом курсе. Приходите будущим летом и сдавайте вступительные экзамены. Может, поступите. Ну, а если вас это не устраивает, могу дать еще один совет: походите по профтехучилищам, вдруг где-то недобор.

Как ни обидно было Альке, ничего не оставалось, как воспользоваться советом. Однако и тут не повезло: во всех училищах группы были укомплектованы. Устроиться на работу хоть без какого-то образования и думать было нечего. Пока она моталась туда-сюда, ее одноклассники успели закончить среднюю школу, я, ее лучшая школьная подруга, поступила в университет и уехала. А она так и осталась с незаконченным средним. Неужели еще год терять, нянчиться дома с Андрюшей?

И тут попала в руки газета: в маленьком городишке единственное профучилище объявляло дополнительный набор в группу бухгалтеров. Алька уже не думала, нравится ей эта специальность или нет, решила ехать. Не пугало и то, что ехать надо далеко – ночь на поезде; что в том городке знакомых нет, зато в объявлении было обещано место в общежитии.

Родители тоже с облегчением вздохнули: дочь, наконец, пристроилась. Они видели, как она металась после возвращения домой. Андрея отдали в детский сад. Галя прислала письмо: в отпуск приехать не сможет, просила, чтобы этот год Андрюша пожил у деда с бабушкой. Алька матери сказала, что сестра, видимо, выйдет замуж.

– Вот и хорошо, – ответила та. – А без Андрюши ей будет легче наладить семейную жизнь. Да и мы к нему привыкли.

Год пролетел незаметно. За зиму и весну Алька лишь несколько раз приезжала домой на каникулы и праздники, увозя с собой сумки с продуктами: благо огород был свой, да и скотину родители держали. В середине лета вернулась совсем с новеньким дипломом.

Отец уже лет двадцать был прорабом на ремонте жилья. В жилкомхозе его уважали. И по его просьбе Альку приняли в бухгалтерию. Теорию в училище она усвоила на отлично: зря красные дипломы не выдают. А практика была нехитрой: в первое время посадили ее на учет работы мусорщиков да бани.

Конечно, не об этом она мечтала. Снова идти учиться на дневное ей совесть не позволяла: сколько можно сидеть на шее родителей! Им вон еще Андрея растить. Ясно, что Галя увозить его к себе не собирается, к тому времени она родила дочку.

Столько лет Алька бестолково училась, что даже среднего образования не получила. Вот с этого и решила начинать. В вечернюю школу ее сразу приняли в десятый класс, учтя, что в техникуме программу за девятый она прошла. Покатились будни: работа, школа. Даже в выходные бездельничать было некогда. Всю картошку с отцом вдвоем выкопали. Мать приболела, да и с Андрюшей кому-то надо было оставаться.

В конце сентября зарядили дожди, в выходные нос из дому не высунешь. Как назло, магнитола сломалась, тоска. В мастерскую тащить не хотелось: магнитола старая, тяжеленная, да и далеко. Мать откуда-то узнала, что есть мастер, который всю технику умеет ремонтировать.

Пришел Сережа в субботу. Магнитола разобрал, поковырялся, сказал, что надо заменить кое-какие детали, он завтра еще придет. На другой день крутил отвертками долго. Алька сидела рядом, неудобно было оставить человека одного, да и магнитола стояла в ее комнате. Сережа увидел учебники на книжной полке, сказал, что тоже учиться в вечерней школе, заканчивает одиннадцатый. Потом мать пригласила мастера пить чай. Уходя, он попросил Альку проводить его до ворот.

В понедельник на первой же перемене Сережа ждал Альку у дверей ее класса. А после уроков пошел провожать домой: разве может девушка ходить в темноте по улицам одна? Так и повелось: всю неделю из школы они вместе шли до Алькиного дома, болтали о всякой всячине, потом еще мерзли под окнами, и, уж когда было совсем поздно, она прогоняла Сережу,

ведь жил он далеко, на дорогу уходил битый час. А все выходные напролет он просиживал возле Альки в ее маленькой комнатке, правда, уроки они оба как-то умудрялись приготовить.

Он сделал Альке предложение через месяц. А еще через месяц назначили свадьбу. Из всех школьных подружек, тех, с кем училась вместе восемь лет, она выходила замуж первая. По любви? Конечно. Сережа и симпатичный, и внимательный, и не пьет, и мастер на все руки. Правда, магнитола так и не отремонтировал, не до нее все как-то. Соседка, узнав о свадьбе, сказала Алькиной матери:

– Не рано ли девку выдаешь? Еще не погуляла совсем.

– Да ты что? Пусть идет, пока берут.

Для меня было совершенно неожиданным Алькино приглашение на свадьбу да еще свидетельницей. И хотя учебный год в университете был в разгаре, решила непременно поехать, заодно и своих родителей повидать в нашем маленьком районном городке.

К своей роли свидетельницы я отнеслась серьезно. Прямо с поезда, только забросив вещи в родительский дом, помчалась к Альке. Срочно нужно познакомиться с женихом, не могу же я ставить подпись в документах, скрепляющих брак моей подруги с совершенно незнакомым мне лицом. Сережи у невесты не было. Алька выбежала мне навстречу в платье до пола, парча переливалась белым с голубым. Глаза сияли, и хотя волосы были еще растрепанные, она, вроде всегда обыкновенная, в этот раз была такая красивая. Алька бросилась мне на шею, даже обмочила слезой мое плечо.

Скоро пришел и Сережа, совсем готовый к походу в загс: как положено, в новом черном костюме и белой рубашке. Алька накручивала на плойку волосы. Бросила свою прическу, наспех познакомила нас и занялась прической жениха. Его черные, по тогдашней моде до плеч отращенные волосы очень быстро превратились в д'артаньяновские локоны. Мне этот красавчик понравился, я порадовалась за Альку. До назначенного часа регистрации в загсе еще оставалось немного времени, я умчалась приводить себя в порядок после поезда.

Свадьба была, как у всех. Подписи жениха и невесты, свидетелей, обмен кольцами. Только на слова регистраторши: «А теперь, жених и невеста, поздравьте друг друга», Алька пожала Сереже руку и сказала: «Поздравляю». Пришлось зав. загсом уточнить: «Поцелуйтесь». Мне почему-то даже не было смешно, так волновалась за Альку: первая свадьба, на которой присутствовала моя подруга, была ее собственная, откуда ей было знать, как надо себя вести.

Как положено, гуляли три дня. Первый вечер принимали гостей в доме невесты. Поздно вечером погрузили Алькин сундук с приданым в сани, и лошадь по первому зимнему снегу увезла молодых в дом свекрови. Наутро мы с толпой гостей со стороны невесты явились на продолжение свадьбы в дом жениха, вернее, молодого мужа. Мы с Алькой добрались друг до друга нескоро, у молодой теперь было много обязанностей на свадьбе: надо было всех угощать, а гостей собрался полон дом. Наконец, когда все сытые-пьяные бросились в пляс, она все с тем же сияющим лицом подбежала:

– Представляешь, я теперь жена.

И повторила:

– Жена, – прислушиваясь к звукам этого нового для нее слова.

К сожалению, мне не удалось даже отгулять всю свадьбу до конца. Я уехала и вновь встретила Альку только летом.

Первое время молодые жили в доме матери мужа. Свекровь сноху ни за что не корила, она тихо, но настойчиво заставляла подчиняться порядкам, заведенным в доме. Каждый раз, берясь за стирку, мытье посуды или пола, Алька вспоминала, все ли делает так, как требуется, или опять получит замечание. Она бы все пережила и привыкла, но что-то все чаще еще совсем недавно добрый и внимательный Сережа повышает на нее голос – причем при матери, чтобы показать, кто в новой семье хозяин.

Весной вернулся из армии Сережин брат. Они стали жить в материнском доме вчетвером, да в выходные навещались старшие замужние сестры с детьми. Хлопот по хозяйству у Альки прибавилось. Свекровь не только ее подгоняла, но и сама крутилась, по крайней мере, еду на всю ораву Альке почти не приходилось варить. А на неделе, когда она приходила с работы, ужин был уже готов, она могла спокойно отправляться в вечернюю школу на занятия.

Так бы и жили. Но Сережа перешел работать по сменам, там больше платили. Она стала замечать, что муж косо смотрит на нее, когда приходит с ночной. До нее не сразу дошло, что он ревнует ее к брату. Алька решила, что пора съезжать от свекрови. Недалеко от родителей сдавался дом. Хозяйка, женщина в возрасте, но не старая, неожиданно для соседней вышла замуж и переехала к мужу, а дом стоял пустой, была там даже простенькая мебелишка.

Альке удалось уговорить мужа снять этот дом, тем более плату требовали небольшую.

– Нам пора почувствовать себя настоящей семьей, научиться расходовать деньги, по своему вкусу покупать вещи. Да и друзья смогут приходиться в любое время, не стесняясь, что побеспокоят маму, – одним словом, все Алькины доводы были за то, чтобы начать им самостоятельную жизнь.

Не страшно, что на дворе еще холодно, немного дров привез Алькин отец. Не страшно, что приходилось самой готовить завтраки, обеды, ужины. Сережа во всем помогал, ведь она ждала ребенка. В школу ходили попеременно, потому что кому-то надо было топить печь. Если выпадала ее очередь, Сережа встречал Альку у школы, а дома было уже натоплено и сварено.

Однажды в субботу неожиданно пришел в гости Сережин друг. Они давно не виделись, чуть ли не со дня свадьбы. Алька захлопотала, в грязь лицом не ударила, хоть и наспех, но приготовила хороший стол. Друзья выпили со встречи по чуть-чуть. Прощаясь, Виктор сказал:

– Молодцы вы, ребята, хорошо, что поженились, здорово у вас.

Алька убрала посуду. Сережа лежал на кровати и смотрел телевизор. Жена под села к нему и, вроде собираясь польстить: какие, мол, друзья у тебя хорошие, сказала:

– Витя как возмужал! Он жениться не собирается?

Она даже не поняла, как Сережа схватил ее за горло, опрокинул навзничь и начал душить:

– А, тебе бы только на чужих мужиков смотреть! Как только я на работу уйду, к нему сразу побежишь!

Какую чушь только не придумывал муж в бреду ревности. «Он меня сейчас задушит. Что делать? На помощь не позовешь, в доме никого нет», – метались мысли под сдавливающими горло руками. Она вместо того, чтобы вырваться, обняла его и прохрипела:

– Сереженька, миленький, да ты что? Я тебя одного люблю, ненаглядный мой, единственный.

Она лепетала что-то еще, думая об одном – как вырваться. Сжимающие шею руки ослабли. Закончилось все, как бывает у молодоженов.

Алька лежала рядом со спящим мужем, не шелухнувшись, боясь его разбудить и боясь уснуть: а вдруг ему опять взбредет в голову ее задушить.

Утром она, как обычно, покормила его завтраком, как обычно, улыбалась и даже поцеловала, когда он уходил на работу. А сама тут же наспех побросала в чемодан свои тряпки и утащила вещи к родителям. Даже на работу опоздала совсем немного.

Родителям подробностей не рассказывала: так, мол, характерами не сошлись, даже подрались немножко, развод не развод, но пожить надо врозь. Вечером, прочитав ее прощальную записку, пришел Сережа. Она из своей комнаты не вышла, с зятем разговаривал отец.

О том, что сделала аборт, Алька сказала матери, когда вернулась из больницы. Вместе всплакнули. Надо было начинать новую жизнь. Однако пришлось вернуться к старой. Сережа навещался к их дому регулярно. Не настаивал, не торопил, во всем винил себя, не упрекнул жену даже за то, что избавилась от их ребенка, приняв решение одна. Алька так и так подумала, прикинула, что у всех молодых бывают размолвки, ведь привыкнуть друг к другу

чужим людям нелегко. Да еще мать уговаривала вернуться. Ей старшая дочь с первым неудачным замужеством хлопот доставила. Но та ни за что бы не развелась, муж сам сбежал. Вон Андрюшу им с дедом приходится воспитывать. А у Альки Сережа покладистый, уживутся. «Возвращайся!» – почти выгоняла она дочку из дому.

Вернулись жить к свекрови, к тому времени она опять жила в доме одна, младший сын после армии уехал на Север на заработки. Свекровь Альку ни в чем не упрекнула, а к порядкам по хозяйству сноха уже привыкла, так что зажили они нормально.

Через год Алька получила аттестат о среднем образовании. На работе ее ценили, как-то даже на месяц оставили за главного бухгалтера, а тот, вернувшись из отпуска, нашел все документы в порядке. Одно удручало: после первого аборта у нее было уже два выкидыша. Врач сказала, что надо укрепить организм и хотя бы год воздержаться от беременности.

Чтобы год даром не терять, решила Алька поступить на заочное в техникум – на товароведа. Сережа решение одобрил. Она отправила документы, получила вызов на вступительные экзамены. А когда стала собирать сумку, чтобы ехать в областной центр, Сережа опять ей устроил сцену ревности.

– Никуда не поедешь, – схватил он ее за руку. – Знаю я экзамены. Ты – гнилая, даже ребенка не можешь родить. Будешь две недели по танцулькам разгуливать да с мужиками по комнатам запираяться.

– Ты скажи конкретно, хоть кто-нибудь, кроме тебя, у меня был? Был? – разозлилась она. – Пусти руку, мне больно.

В тот момент, когда она почувствовала, что он ослабил пальцы и может опять начать ее душить, а там уж не вырвешься, она схватила стоявший на столе чайник и стукнула его по голове. Чайник был почти пустой, пришелся сбоку вскользь, так что муж наверняка отделался шишкой. Они дрались всем, что попадало под руку. Успокоился Сережа, когда ударил ее в глаз и Алька закричала. Он всерьез испугался: вдруг ослепнет. Уговаривал жену, пока она плакала, причитая:

– Конечно, куда я теперь поеду?

Свекровь, вернувшись с огорода, поняла, что у молодых опять не все в порядке, но промолчала: уже не в первый раз, сами разберутся.

Сереже нужно было на работу в вечернюю смену, а поезд уходил около двенадцати ночи. Проводив мужа, Алька села на кровать и задумалась. Потом взяла сумку, начала доставать оттуда уже сложенные вещи. Вдруг передумала, запихнула все, что приготовила с собой в поездку. Как ни в чем не бывало, поужинала со свекровью, убрала посуду. Разыскала очки от солнца. Несмотря на теплую погоду, надела блузку с длинным рукавом, чтобы не видно было проступившего на левой руке синяка. Попрощалась со свекровью и уехала.

На время вступительных экзаменов в техникуме дали общежитие. Никак не могла придумать правдоподобную историю, чтобы объяснить соседкам по комнате, откуда у нее синяки. А объяснять ничего и не пришлось. Из них четверых трое со скандалом уезжали из дому. Все вместе и посмеялись, рассказывая друг другу происхождение каждой ссадины.

Пока сдавала экзамены, совсем не думала, как вернется домой. Занимались серьезно, на удивление все из их комнаты поступили, да и конкурс был небольшой. После зачисления девчонки отметили это событие и наказывали друг другу: мужьям не поддаваться – не с синяками же каждые полгода приезжать на сессию.

Алька дала мужу телеграмму: «Поступила. Приезжаю ... -го». Всю дорогу себя уговаривала не делать виноватый вид, если что, не поддаваться, как учили девчонки.

Она не ожидала, что муж встретит ее на вокзале. Увидев в окно, заулыбался, сразу схватил сумку. А она бросилась ему на шею, поцеловала, все же соскучилась, да и напряжение спало: грозы, по всей вероятности, не будет.

Вскоре ей на работе дали маленькую неблагоустроенную квартиру: комната и не то прихожая, не то кухня с большой печью. Они были рады собственному жилью, стали обзаводиться необходимыми вещами: диван, стол со стульями, телевизор, стиральная машина. Сережа, помимо основной работы на заводе, «халтурил»: ремонтировал телевизоры. Правда, вместе с приработком «халтура» приносила неприятности: рассчитывать принято было не только деньгами, но и бутылками. Алька мужа быстро переориентировала. В городе о Сереже сложилась хорошая репутация: и мастер добрый, и не пьет. От заказов отбоя не было.

Деньги им были очень кстати. Аля, наконец, снова ждала ребенка. Угроза выкидыша еще оставалась. Месяц пролежала в больнице. Свекрови кто-то рассказал народный рецепт: заваривать цветы ноготков и пить, как только заболит низ живота. Сушеную календулу достали и отвар у Альки всегда был наготове. Бывало, долго делает что-нибудь в наклон: стирает или полы моет, живот как схватит. Она выпьет полстакана календулы, приляжет и прислушивается, гадает, чем на этот раз кончится. В такие моменты Сережа жалел ее:

– Аля, брось все. Иди полежи.

И сидел рядом, гладил ее руку, без конца спрашивал, не прошло ли. Ведро с грязной водой так и оставалось посреди комнаты. Ему никогда не приходило в голову доделать уборку самому. И она молчала. Как только боль стихала, брала тряпку и домывала полы. Вот такая странная была и жалость, и любовь.

Календула или что-то другое помогло, в конце августа Алька родила дочку. Люся была настоящим деспотом. Они сами сделали ее такой. Когда ребенок плакал, они совали ей все, к чему она протягивала руки. Пусть делает все, что хочет, лишь бы успокоилась. Так повторялось изо дня в день. И каждую ночь Алька соскакивала, пытаясь быстрее укачать ее на руках, лишь бы Сережа не проснулся: ему завтра на работу, надо выспаться.

Но и Алькины силы закончились. Когда в очередной раз среди ночи Люся заплакала, она растолкала мужа:

– Иди, ты так сильно хотел ребенка, вот и водись с ней.

Сережа встал, пошел к кровати, Алька тут же провалилась в сон. Только днем сообразила, что, оказывается, не только муж, но и она может приказывать мужу. Теперь всякий раз, когда из кровати доносился рев, она говорила:

– Твоя дочь плачет.

Но не изверг же она, в конце концов. Оба измученные бессонными ночами, они только месяцев через семь поняли, что неправильно воспитывают дочь. И решили, что отныне настойчиво будут объяснять Люсе, что такое «нельзя».

Вскоре после декретного отпуска Аля поменяла работу. Будущему товароведу надо было набираться практики, и она устроилась в продуктовый магазин продавцом. Люся ходила в детский сад, воспитатели нахваливали, какая она разумная и послушная девочка. Правда, дома она изредка по-прежнему пыталась капризничать, настаивая на своем. Но родители излишние требования ребенка быстро пресекали.

Сережа в отличие от большинства соседских мужиков выпивал крайне редко, но уж в эти редкие случаи напивался до предела. Однажды летом уехал на мотоцикле помогать другу баню строить, а вернулся домой пешком, пьяный, еле на ногах стоит, на голове мотоциклетный шлем, а козырек, как медальон, на шее болтается. Оказывается, возвращался на мотоцикле, передним колесом врезался в столб, перелетел и со всего маху в тот же столб ударился лбом. Хорошо, что шлем был застегнут на ремешок. Мотоцикл больше не завелся, так и остался лежать в канаве. Сам пьяный водитель по кривой доковылял домой. Только утром жаловался, что голова болит не то с перепоя, не то от сотрясения мозга. Мотоцикл друзья потом помогли дотащить до сарая. Сережа сам мастер: как поломал, так и починил. Но Алька стала волноваться, когда он уезжал один. И не зря.

Однажды закадычные друзья собрались очередную баню ставить. Дело стоящее, все мужики были семейные, обрастали хозяйством. Поодиночке, ясно, большую стройку не поднять. Всю субботу и воскресенье работали. К вечеру выходных баню закончили, как водится, обмыли. Сереже надо было бы оставить мотоцикл, идти домой пешком и недалеко ведь было. Ну да пьяному море по колено. Он сел за руль да еще одного из друзей взялся по дороге подвезти. Обгоняя грузовик, Сережа не справился с управлением и вильнул под заднее колесо. Друг сразу скончался, а Сережа на третий день очнулся в больнице.

Болеет правый глаз, закрытый повязкой, трудно было дышать и невозможно пошевелиться. И все-таки живой. Алька сидела у его постели и, когда увидела, что он пришел в себя, заплакала: не то от горя, не то от радости.

Три месяца она моталась между работой, домом, больницей. А старушка свекровь и вовсе почти не отходила от сына. Три месяца не было ясно, поднимется ли Сережа с постели. Глаз он потерял, и с этим смирились. Ребра срослись. Но вот позвоночник... Врачи обнадеживать не спешили.

Люсю по вечерам из садика забирала Алькина мама, начинала готовить ужин, пока дочь не вернется из больницы. Но лучше бы этой помощи не было. Каждый раз мать заводила один и тот же разговор:

– Зачем тебе инвалид? Брось его. Вы и так плохо жили, все время ругались. Ты что, собираешься до конца своих дней за инвалидом ухаживать? Хорошо, что один ребенок. Вырастет. А ты еще молодая, найдешь другого.

– Что же ты раньше не говорила мне: брось его? Почему, когда я собиралась разводиться, ты обратно меня к нему выгнала?

И кричали друг на друга, и обвиняли неизвестно в каких грехах.

А однажды на сочувственный вопрос соседки, как здоровье у зятя, мать сказала:

– Да лучше бы он насмерть разбился. И не мучилась бы Аля с инвалидом. Погубил девке жизнь.

Сережиной матери быстренько передали, чего нажелала ее сыну сватья. Старушка заплакала:

– Жена – чужой человек. А я своего сына не брошу. Заберу его домой и буду ухаживать, пока жива.

Обе матери еще не знали, чего Алька натворила. Когда Сережа еще находился между жизнью и смертью, она поняла, что беременна. Тянуть уже была некуда, сдала анализы и, чтобы предупредить Сережу, почему ее не будет два дня, сказала, что идет на аборт. Он умолял ее оставить ребенка, уверял, что обязательно поправится, что чувствует себя совсем хорошо, и ноги шевелятся, и он скоро встанет. Когда она уходила домой, Сережа сказал:

– Если ты любишь меня, пусть малыш останется. Ради моего здоровья.

Любила ли она, жалела ли, но после ночи раздумий утром пошла не к врачу, а на работу. Когда вечером, как обычно, появилась у мужа в палате, он все понял. Может, счастье от того, что у них будет малыш, может, силы молодого организма тому были причиной, может, то и другое, только скоро Сережа начал подниматься с постели, быстро пошел на поправку, а вскоре выписался из больницы.

А его уже ждали большие неприятности. Родители и жена погибшего на его мотоцикле друга подали на Сережу в суд. Против обвинений не поспоришь, ведь пьяный за рулем был, действительно, он. И тут не имело значения, что сам он только чудом остался жив. Казалось, что тюрьмы Сереже не избежать. Следователь был человек сердобольный и подсказал единственный выход: уговорить родственников погибшего забрать заявление. У того осталось двое детей. Жена, конечно, понимала, что мужа не вернет. Отправить инвалида в тюрьму? Ей от этого легче не будет. А тут говорят, что Сережа с Алей ждут второго ребенка, предлагают материально помочь. Согласилась.

Время лечит. Сережа совсем поправился, со стороны и не скажешь, какие травмы пришлось ему перенести. Вот только через некоторое время начал слепнуть второй глаз. Но обошлось. Правда, без очков совсем плохо видел. С завода по состоянию здоровья он уволился. Зарабатывал своим ремеслом: ремонтировал телевизоры по вызовам. Деньги это были небольшие, жилось тяжело.

Хорошо, хоть квартира теперь у них была нормальная. Когда Сережу выписали из больницы, жить в их однокомнатной неблагоустроенной было почти невозможно. Муж еще не мог помогать ей по хозяйству, за ним самим нужен был уход. Дров на зиму заготовили мало – не успели. Дочь маленькая. А второго родит, как быть? Собрали все свои накопления, помогли родственники, купили кооперативную квартиру. Дочку Нелю из роддома принесли уже туда.

Потекла обыденная, размеренная жизнь. Не заметили, как старшая дочь пошла в школу, а потом и вторая. Сережа работал слесарем. Получал не очень много, но с его здоровьем выбор был небольшой.

Свекровь умерла, завещав дом сыну Сереже. Все свободное время он занимался ремонтом старого родительского дома, хотелось, чтобы летняя дача выглядела не хуже, чем у других.

Огород, конечно, здорово выручал: соленьями, вареньями, овощами семья на всю зиму была обеспечена. Однако и усилий земля требовала немалых. Алькины выходные пропадали на грядках. С небольшой охотой, но дергали сорняки и девочки. Так ведь еще и работа, и дома дел полно.

А Сережа и вовсе неделями жил на даче, домой навевывался изредка. С порога начинал ворчать: сумка стоит не там, обувь грязная, по прихожей разбросана, на мебели пыль, белье не выстирано, посуда из сушки не убрана и бу-бу-бу. Если от привычного к его ворчанию семейства реакции ноль, начинал кричать. И – все на взводе. Прощай отдых после тяжелого трудового дня!

– Лучше бы папа вообще домой не приходил, – всякий раз говорили дочери.

Альке все это надоело до смерти.

– Не люблю я его, – говорила она мне в одну из наших редких встреч. – Хоть сейчас бы развелась. Но как представлю: встречу его на улице, голодного, оборванного, грязного, жалко станет, обниму и зареву, – и вдруг захлюпала носом, как будто это и на самом деле произошло. Потом успокоилась, махнула рукой:

– Ладно уж, чего теперь, столько лет прожили...

СЫНОВЬЯ АННЫ

Алеша

Когда Анне стукнуло двадцать шесть, она окончательно поняла, что в захолустном городке Н. ей замуж не выйти. Всю жизнь до глубокой старости возиться с племянниками, а потом с их детьми? Конечно, она любит их, но вот если бы были свои дети...

До сих пор она дальше областного центра не бывала. А тут – откуда решимость взялась – разузнала, что вербуют рабочих на Камчатку, все в тайне от родителей оформила, собрала вещички и объявила об отъезде только накануне. Старики ахнуть не успели, как она уже катила на поезде в совсем неизвестную даль далекую. Большинство ездит на Дальний Восток или на Север за деньгами. Анна же вынашивала мечту найти в тех краях суженого, ведь на каждую женщину там наверняка десяток мужиков наберется.

Писала домой редко и в основном «жива-здорова». Однако не прошло и двух лет, прикатила обратно и насовсем. И раньше немногословная, замкнулась совсем: из дому показывалась редко, даже из комнаты своей прошмыгнет мышкой за стол или на двор – и обратно к себе. По хозяйству все дела переделывала, пока мать в магазин ходит или с соседками на лавочке языком чешет.

Мать, и раньше-то не больно сметливая, к старости и вовсе вокруг себя ничего не замечала. А вот старшая сестра Нина все поняла сразу.

– Аня, ты чего, беременная?

Анна кивнула головой и заплакала.

– Ну, ну, ты чего ревешь-то? Не девочка ведь, не семнадцать лет.

– Да я так, нанервничалась очень, поделиться не с кем.

– Давно бы ко мне пришла.

– До меня ли тебе, Нина. Работа, хозяйство, муж, детишки.

– Да провались оно, все это хозяйство!

– Я ведь не случайно попалась, я все специально сделала и все рассчитала. Целый год, дура, надеялась, что полюбит меня кто-то, там у нас в поселке баб вербованных было немного – не до выбора, а мужиков – и разведенных и вообще холостых – полно. Но, видно, такая уж я страшная уродилась, что никому в голову не приходит взять меня в жены. Так, время в постели провести охотников было много. Вот тут уж я могла выбирать, – усмехнулась Анна. – Нет, ты не подумай, я там не спала со всеми подряд, но когда решила, что уеду с Камчатки только с ребенком, стала к мужикам приглядываться. Гену я правда любила: и красивый, и умный, только непутевый. Рассказывал, больше года нигде не мог задерживаться, всю страну объездил. Конечно, ни о какой семье он и думать не думал, да и со мной-то время проводил, потому что открыв рот слушала его рассказы. Денег я за год накопила, чтобы на материну шею не садиться. Когда точно убедилась, что беременная, пошла к начальнику, выложила ему все и попросила уволить до срока. А он не возражал: баба с возу, кобыле легче, нужно ему больно с младенцами возиться. Вот и приехала я домой. Об одном теперь Бога молю: не родилась бы только дочка, на меня похожая.

Родила Анна сына. Из больницы ее встретила сестра и зять, привезли к себе домой, а в комнате, где несколько месяцев до родов жила Анна, уже стояла детская кроватка.

Сколько не скрывай, а в один прекрасный день мать все равно увидела, что дочь беременна. Да и после разговора с Ниной Анна прятаться перестала. Кричала мать дико: обзывала потаскухой и почище, все время повторяла о позоре перед соседями. На «убирайся из моего

дома» Анна молча собрала вещи и ушла. Муж у Нины не возражал, что сестра поселится у них, да он ей и вообще никогда не возражал.

Рос Алеша веселеньким, здоровеньким, с каждым месяцем все больше походил на отца: такие же золотые кудри и темно-серые большие глаза. Любили мальчишку все, так что Анна иногда ревновала его к сестре и племянникам.

Нина устроила Анну на работу к себе в типографию, когда Алеше еще не было года – камчатские деньги кончились быстрее, чем Анна рассчитывала, а жить на сестрины не хотела. На день малыша относилась к матери. Они вроде помирились, но холодок в отношениях остался.

Ни разу до родов мать к Анне не пришла, хотя и поняла, что зря сгоряча выгнала девку из дому. Но когда родился внук, переломила себя, пришла повидаться. Анна ничем ее не упрекнула, но когда мать через какое-то время позвала ее вернуться домой, не согласилась. И сейчас жила у сестры, а ребенка носила к матери, как к чужой няньке, и даже обещала денег давать с полочки.

Как хотелось Анне иметь свой дом и жить с Алешкой своей семьей! Когда в типографии она выхлопотала комнатку в старом доме без удобств, радости не было предела. Все вымыла, покрасила, комнату перегородила так, чтобы и детская была, и кухонька, где поставила плитку – все не ходить готовить на общей кухне с соседями. И еще раз повезло – Алеше дали место в яслях, да еще рядом с домом. С работы в ясли мчалась на крыльях – так скучала без сына днем. А выходные любила только потому, что могла быть вместе с ним с утра до вечера. С удовольствием стирала его крохотные рубашки, наглаживала брючки к яслям, костюмчики ему вязала такие красивые, что ни в одном магазине не купишь.

Детские книжки Анна покупала для Алешки, как только он родился. А носила малюсенького на руках, считала вместе с ним все подряд: цветы на подоконнике, игрушки в коробке, даже кур на сестрином дворе. Нина смеялась:

– Ну уж ты его с пеленок арифметике учишь, он еще ничего не понимает.

«Ага, не понимает, – думала про себя Анна, – вон Алеша как внимательно слушает, и глазки у него умные». Когда Алеша пошел в ясли и они жили с ним уже отдельно, Анна начала учить его писать: брала его маленькую ручку в свою и выводила на листе бумаги «а», «б», «мама».

Говорить Алеша научился очень рано, наверное, потому что она все время разговаривала с ним, как со взрослым. Алеше было чуть больше двух лет, когда однажды вечером воспитательница сказала Анне:

– Надо переводить Алешу в детсадовскую группу, вырос он из яслей. Я ребятишкам только сказку расскажу, он через пять минут ее детям пересказывает, да почти слово в слово. И ростом он вполне за трехлетнего сойдет.

В детском саду, несмотря на то, что был младше всех, Алеша отличался своей сообразительностью. В шесть лет Анне посоветовали отдать его в школу. Тогда это было не принято, но она уговорила директора школы.

Как мечтала Анна о будущем Алешки! Конечно, он непременно будет учиться в Москве и станет ну если не космонавтом, то обязательно каким-нибудь академиком. Учить уроки его не надо было заставлять. Особенно он любил математику. Анна поддерживала в сыне этот интерес. Специально подсовывала ему задачки из учебников старших классов или найденных в библиотеке пособий. Не было ни одной, которую бы Алеша не решил.

Нет, вовсе непросто давалось Анне воспитание сына. Насколько был он умен, настолько же проказлив и не раз бит по заднице. Все, что творили соседские мальчишки, придумывал Алеша: были разбитые стекла и разобранные заборы, отвязанные собаки и, наоборот, привязанные на цепь куры.

Я уехала из Н., когда Алеша закончил первый класс. Первое время, приезжая погостить, встречалась с Анной, искренне радовалась Алешкиным успехам, о которых она рассказывала

в первую очередь. Потом несколько лет ничего не слышала об Анне. Однажды узнала страшную весть: Алешу убили. Его одноклассник, когда никого не было дома, достал ружье и стал хвастать перед ребятами, что знает, как оно разбирается. Ружье оказалось заряженным.

Я подумала об Анне: как она сумела пережить смерть сына, ведь он был всем, что она имела, смыслом ее жизни.

После, бывая в Н., я ни разу не встречала Анну. Да и, честно говоря, боялась встречи с ней. Сделать вид, что ничего не произошло? Сочувствовать и говорить, какой славный у нее был Алеша? Как найти те слова, которые не показались бы ей равнодушными и одновременно не растравили бы ее душевную рану?

А встретила я Анну совершенно случайно через несколько лет после того страшного случая. Она вышла из автобуса, я собиралась в него садиться. Анна с удивлением и радостью окликнула меня, я рада была видеть ее не меньше. Автобус уехал, а мы остались на остановке.

– Илюша, стой, – успела схватить Анна за руку сорванца, тут же рванувшего к стоящему в стороне киоску: за стеклом виднелись яркие обертки заморских шоколадок.

– Это мой сын, – сказала Анна. – Ты слышала, Алешу убили? – а в глазах глубокая боль.

Я кивнула. Этот маленький вертлявый пацанчик был, конечно, совсем не таким, как Алеша. Белые, выгоревшие на солнце вихры торчали во все стороны, глазки хитренькие. Ни секунды не мог стоять на месте, все время тащил мать куда-то за руку.

В тот раз встреча была короткой. Но как-то осенью наши пути вновь пересеклись. Мы забыли обо всех делах и, несмотря на холод и дождь, шли и шли по улице. Анна говорила, говорила...

Илюша

С того дня, когда я похоронила Алешу, прошел месяц. Ведь говорила мне старушка-странница, увидав Алешу, когда он был маленький: «Береги, мать, сына, он у тебя Божий человек». Не уберегла. А что я могла сделать? С малых лет учила его обращаться со спичками, с острыми ножами, плавать, прыгать с бревна на бревно, которые крутятся, как волчки, в весенней реке. Ну откуда мне было знать, что соседский мальчишка станет баловаться с отцовским ружьем и пуля угодит Алеше в сердце?

Как я прожила этот месяц, не помню. Наверное, спала, наверное, что-то ела, наверное, что-то делала. Не помню. Хуже всего было просыпаться утром. Горе, которое отступало во сне, снова наваливалось на меня.

За окном шел дождь, этот бесконечный осенний дождь. Нужно было встать со стула и пойти включить свет. А зачем? Нет, надо встать... Я подняла голову. У дверей стояла старуха. Что ей надо? Может, это нищенка? Нечесаная, одета как плохо: какой-то халат, а ведь на улице холодно. У меня есть старая шаль, надо отдать старухе. А покормить мне ее нечем. Может, хлеб остался? Как она сюда попала? Неужели я вчера вечером не закрыла дверь? Закрыла, вон же крючок накинут. Тогда как она зашла? Боже, да это ведьма! Она прошла сквозь стену. Надо что-то сделать. Закричать? Надо включить свет. Я встала и пошла к дверям – к выключателю. Старуха тоже зашевелилась. И тут я увидела, что это не старуха – это мое отражение в зеркале. Серое лицо, нечесанные космы, неправильно застегнутый мятый халат, босые ноги...

Все, хватит, делай что-нибудь или ты сойдешь с ума! Но как же я смогу жить одна, без Алеши?

Я должна родить сына! Эта мысль стала неотвязной. Меня не пугало, сумею ли я прокормить и вырастить его одна. Алешин отец не захотел взять на себя семейную обузу, и ничего – вырастила же я сына, хорошего, умного парня. Каким помощником он мне стал. Этим летом все дрова перепилил, переколот, зимой мерзнуть не будем... Ах, Алешенька.

С отцом ребенка проблемы не будет. В последнее время стал в нашем доме появляться полумуж, полутотчим. Мы его не неволили: не хочет переселяться насовсем – не надо, а придет – пусть остается.

Прошло еще два месяца. Желанная беременность не наступала. Врач-гинеколог сказала, чтобы мысль о ребенке я оставила: «У вас серьезные проблемы со здоровьем, запущенное воспаление придатков. И потом не каждая здоровая женщина в 42 года может родить ребенка». «Я должна родить сына. Лечите меня». «Тогда нужно ложиться в больницу». «Пишите направление». «Но ведь через неделю Новый год, приходите после праздника». «Не могу так долго ждать». Врач посмотрела на меня, как на сумасшедшую, и выписала направление.

В больницу я пошла сразу же. Обычно в день приема лечение не назначали. Но я ходила за лечащим врачом по пятам, и он в конце рабочего дня прописал мне процедуры. В физкабинете медсестра уже собралась домой, но я уговорила ее сделать мне электрофорез. Вечером поставила укол и легла спать более-менее спокойной.

Весь месяц в больнице я вставала в шесть часов и садилась у физкабинета. В восемь утра первая принимала процедуру. Выпивала все до одной таблетки. Как только в коридоре раздавался голос медсестры: «Женщины, на уколы!», я первой была у дверей процедурной. Более аккуратной больной в отделении не было. Потом еще месяц после больницы я бегала в обеденный перерыв на уколы.

Весной я пришла вставать на учет. Врач, которая мне давала направление в больницу, уверенная, что мне никогда не родить, и сейчас не поверила. Правильно, срок был еще маленький, и ей трудно было определить. Но я-то точно знала, что ношу сына.

Через две недели она поставила меня на учет, сказав, что я – случай почти невероятный. По крайней мере, в ее практике такого еще не было: «Теперь наша главная задача – выносить». А это было непросто. Для подстраховки врач постоянно направляла меня в больницу, и из девяти месяцев половину я провела в стационаре.

То, что мальчишка у меня растет беспокойный, я поняла сразу. Ему не нравилось решительно все: что я ела, как ходила или лежала, особенно он не переносил жару. Он не давал мне ни минуты покоя. А с тех пор, как он начал шевелиться, пинал меня нещадно. Было такое впечатление, что внутри я вся в синяках.

Я постоянно урезонивала этого непоседу. Разговаривала с ним, рассказывала сказки, пела песни. И в такие моменты он утихомиривался. Вся палата надо мной смеялась. Девчонки молодые, глупенькие, откуда им было знать, что мы с сыном так хорошо понимаем друг друга.

Последний месяц перед родами я пролежала в больнице. Второй Новый год подряд на больничной койке. Врач в консультации по-прежнему боялась за исход беременности и, стараясь предотвратить преждевременные роды, направила меня в больницу. Я не возражала, хотя была уверена, что все теперь будет нормально, и я рожу сына 6 января – в сочельник. Так и лечащему врачу в стационаре сказала. Молодой доктор посмеялся надо мной: «Почему сына и почему именно 6-го? Полежишь у нас еще недельку. Может быть, под старый Новый год и произведешь кого-нибудь на свет».

УЗИ тогда еще не делали, и было простительно, что доктор не знал о моем сыне. Но я-то точно знала. Шестого января на обходе врач спросил, хитро улыбаясь, как я себя чувствую. Я сказала: «Сегодня к вечеру рожу». Он покачал головой: что, мол, с ненормальной разговаривать.

Скоро начались схватки. Родила я быстро и легко, почти как шестнадцать лет назад Алешу. Видимо, моему непоседе так надоело быть внутри мамки, что он поторопился выскочить на божий свет. Да так разорался! Мой палатный врач едва успел на роды, но ребенка принимал сам. Когда я спросила, как там мой сыночек, все ли у него в порядке, врач только и сказал: «Ну ты даешь!»

На другой день, в Рождество, день был ясный и морозный. Окна палаты покрылись узором. Мой сынуля, страшно голодный, сначала захлебывался молоком, а потом наелся и затих. Я, успокоенная – моя крошка рядом, – закрыла глаза. «Вот, Алеша, у тебя братик родился. Такой же, как ты, непоседа». «Береги его, мама».

Сейчас Илюша уже совсем большой, во второй класс пойдет. Правда, со школой у нас проблемы. В первом классе учительница выставила ему двойку по математике, говорит, не может решить даже простые примеры. Но дома мы решаем такие сложные задачи, сама их придумываю. Илюша ни за что не хочет делать то, что ему неинтересно. С трудом заставила его летом перерешать все примеры за первый класс, чтобы исправить двойку.

А какие сочинения он пишет! Сначала заметила, что он рассказывает мне незнакомые сказки. Думала, мультик по телевизору посмотрел. Говорит, сам сочинил. Уговорила его записывать сказки. Предложения строит очень грамотно, но ошибок... Думаю, это дело поправимое.

Объясняю учительнице, что Илюша – ребенок особенный. Его надо понять и принять его правила жизни. Показывала его сказки. Но она не верит, говорит, я сама сочинила, а его заставила переписать. «Вон сколько ошибок! Ему и по русскому надо ставить два». Может, его в другую школу перевести?

А живем мы втроем. Отец Илюши переехал к нам.

Я рада, что встретила тебя. Наверное, утомила своим рассказом. Вроде бы легко говорю о смерти Алешки, а где-то глубоко такая тоска засела. Только Илюша и отвлекает. Когда приходим с ним к Алеше на могилку, он стоит тихо-тихо, травку погладит, цветы польет. Говорит: «Как жалко, что я с ним не был знаком. Я бы его так любил».

Нищий

Историю эту мне рассказала бабушка, когда я была еще маленькая. А она услышала ее от своей бабушки, когда тоже была маленькой. Так что произошло это лет сто назад, несколько не меньше.

Бабушкино село стояло совсем рядом с большим губернским городом – верст двенадцать. Сейчас с окраины видны многоэтажные дома – так город разросся. Да и тогда: только лесок да несколько узких улочек пройти – и ты уже на первом базаре. А на лошади так и вовсе мигом. Потому в селе и останавливались на ночлег торговцы из дальних деревень: им одним махом от дому до губернских рынков дорогу было не одолеть.

А тут вечерочком отужинают своим хлебушком, что достанут из котомок, побалуются чайком из двухведерного хозяйского самовара, лягут вповалку на полу, а утром чуть свет запрягут лошадей и через час уж разворачивают на рынке торговлю. За постой платили хозяевам копейки, а денежки копились. Так что из-за одного только удачного места было село зажиточным. Ну, так ведь и сами не ленились, работали. И торговали на рынке: мясом да молоком, зерном да яблоками.

Не только торговцы с товаром спешили в город. Каждую весну, как только сойдет снег, появлялся в деревне старик-нищий. Где он зимовал, никто не ведал. Но только каждую весну он заходил в деревню, стучался в ворота, прося милостыню Христа ради. Без подаяния его со двора не гнали: подать нищему – Божье дело. Вот и набивал он котомку хлебом да стряпней, а то и копейку в карман прятал. Кто-нибудь сжалится, пустит нищего в хлев со скотом переночевать. А утром он вместе с торговцами ни свет ни заря в город подается. Там на рынках с весны до осени и просит подаяние. Где щедрый продавец да богатый покупатель, всегда денежка нищему перепадет. А первый снег падет, нищий отправляется в обратный путь. Было так и год, и два, и десять лет. Уж привыкли в селе к нищему старику. Чей да откуда, сколько лет и почему семьи нет, не спрашивали. Подадут милостыньку и забудут про нищего – своих забот полно.

Осенью под Покров опять появился старик в селе. Шел еле-еле, с трудом отрывал посох от земли, полы грязного оборванного зипуна тащились по грязи. Нечесаная бороденка свалилась, лицо серое, как старая шапка на голове. У ворот ближней избы свалился старик, не может дальше идти. Постучал посохом в ворота. Открыла баба-хозяйка, по привычке сунула нищему краюху хлеба.

– Мне бы отлежаться, болею я, пусти, хорошая.

– Самим тесно, – сказала баба и захлопнула ворота.

Посидел нищий, с трудом поднялся да дальше потащился. Все село прошел, да никто его не пустил. Вот и крайняя Никифорова развалюха показалась. Здесь не пустят, видно, на дороге помрет.

Хоть и богатое было село, да и таких, как Никифор, хватало. Мужичок он был щедушный, на грудь слабый. Всю зиму кашляет, все ждут, видно, конец скоро. А к лету расходуется, землю вспашет да посеет, осенью уберет. Да много ли наработает один-то. Жена как назло четырех девок нарожала. Какие они в поле помощники? Дом и так был неказистый, а тут и вовсе почти развалился. В такой даже на постой никто не заедет. Так что и денежка постольцев мимо проплывала.

Хоть у самих на столе были пустые щи, а пожалели нищего старика, пустили в избу. А он уж идти-то не мог, свалился у порога. Перенесли его на лавку возле печки. Хозяйка отваром каких-то трав напоила. На другой день оклемался маленько старик, порылся в кармане зипуна, достал денежку да послал девок за молоком.

Всю зиму прохворал старик. Односельчане смеялись над Никифором: сам побирается, девки по нянькам бегают нанимаются, а нищего даром кормит. К весне вроде лучше стало старику, даже на завалинку на солнышко выполз. Да ненадолго. Слег опять, теперь уж насовсем, не слезал с полатей. А перед Пасхой позвал Никифора к себе и говорит:

– Помру я скоро. Ты не смотри, что я нищий и зипун мой грязный. Там в подкладке золото зашито, за всю жизнь накоплено. Никого у меня нет, один я на свете. А коли ты взял меня к себе, не побрезговал, будет золото твое.

В предсмертном бреду уж был старик. Никифор махнул рукой – не поверил. А после, как похоронили нищего, хотела хозяйка выбросить стариков зипун – уж ни на что он не годился. Тут и вспомнил Никифор, чего говорил нищий перед смертью. Решил проверить, да и, правда, нащупал в лохмотьях золотую монету. Не врал старик: и в зипуне, и в котомке нашли золото да много.

За одно лето вырос на месте старой Никифоровой развалюхи большой каменный дом в два этажа – первый в селе. Землю пахать-сеять теперь Никифор работников нанимал. Да и сам поздоровел на мясе, молоке да меду. Тощая его баба малость раздобрела. И всем четверем девкам на приданое хватило, когда пришла пора замуж выдавать. От постояльцев теперь отбою не было, весь нижний этаж Никифор им выделил. Да и сам в базарный день с хорошей прибылью из города возвращался.

– А ты сама Никифора видела? – спросила я бабушку.

– Видела, когда он уж старик был вдовый.

– Что потом с ним стало?

– Кто же его знает. Как пришла советская власть, богатых раскулачивали. Самых справных мужиков вместе с семьями на телеги – да и увозили. Куда? Говорили, в Сибирь. Поди там и сгинул Никифор. Село к тому времени разрослось. Никифоров дом оказался в центре. Там сельсовет открыли.

ЧАСТЬ 2. Улыбка сквозь трамвайное окно

Улыбка сквозь трамвайное окно

I

Октябрь начался, а как будто еще август. Газеты пишут, что такой теплой осени не было почти сто лет. У Ларисы прекрасное настроение. Исполнилась ее мечта: она поступила в университет. В прошлом году ей не повезло, не прошла по конкурсу. Год работала в своей же школе лаборанткой, готовилась. И вот она студентка.

Большой город ее не испугал. Напротив, ей здесь все нравилось: заполненные транспортом дороги, шум, толпы людей, множество огней на вечерних улицах. Ее даже не раздражала толкучка в трамвае, куда она с девчонками с трудом втискивалась по утрам, чтобы ехать на занятия.

Каждый раз, когда она открывала тяжелые двери старинного величественного здания университета и показывала дежурному у входа студенческий билет, душу ее наполнял восторг. Ей нравилось, как скрипит под ногами старый разохшийся паркет в коридоре, говорить: «Всем привет!», когда входила в аудиторию, и слышать в ответ: «О, Лариса пожаловала!» или что-нибудь дружеское в этом роде.

Со всеми ребятами за месяц в колхозе она перезнакомилась, появилась у нее и новая подруга. С Наткой им даже удалось поселиться в одной комнате в общежитии. И на лекциях они сидели рядом. Жаль только, в разных группах оказались: на лекциях вместе, а семинарские занятия врозь.

После школы, где сегодня задали, а завтра спросили и приходилось учить уроки каждый день, многие первокурсники упивались свободой, после лекций развлекались. «От сессии до сессии живут студенты весело» – стало любимой присказкой кое-кого. Лариса с Наткой с первой же недели решили серьезно заниматься. Натка осталась в читальном зале, а Лариса поехала домой: пока никого нет, спокойно займется переводами по иностранному.

Днем в трамвае было пусто. Лариса заняла место у окна и смотрела, как сменялись картинки за стеклом. Солнце слепило глаза, но ей это не мешало, даже наоборот. Оно так ласково грело, что она улыбалась. Улыбнулась, когда на остановке увидела собачонку, которая смешно задрала морду и рассматривала сидящих в трамвае. Она улыбалась людям за окном. Она невольно улыбнулась, когда ее глаза встретились с глазами водителя такси: «Волга» остановилась рядом с трамваем у светофора. На остановке она опять увидела знакомую машину у своего окна, и на следующей остановке снова. Молодой парень за рулем не обращал внимания на сигналы стоящих за ним машин. Ларисе стало неудобно: парень подумает, что она специально улыбалась, вроде как обещая ему что-то.

Пассажир, пожилой мужчина, не торопил водителя. Он видел, молодому человеку понравилась девушка из трамвая, и было любопытно, что он будет делать. Понятно, такси притормаживает на каждой остановке, чтобы не пропустить, где она выйдет. Но вот трамвай пошел прямо и остановился на пяточке, где посреди улицы была небольшая зона отдыха и стояло несколько киосков, а дорога огибала этот пяточок. Именно здесь и вышла девушка.

Потерять ее в толпе на трамвайной остановке было немудрено, но водитель такси увидел ее и прибавил скорость, чтобы быстрее обогнуть кольцо. Зато Лариса, сойдя с трамвая, посмотрела по сторонам, такси, уже скрывшееся за кустами, не заметила и спокойно пошла к общежитию, что стояло всего в одном квартале от остановки.

– Вон ее розовое платье, – подсказал старичок-пассажир.

Водитель улыбнулся в ответ: хорошо, что не зануда попался, не возмущается, что едет медленно да еще и от маршрута отклонился. Так потихоньку он и крался следом за Ларисой. Когда та поднялась по ступенькам общежития университета, сказал:

– Все ясно. А теперь по скоростям.

Саша знает, где она живет. Но как познакомиться? Если она отошьет сразу, то больше не сунешься. А если она и не живет там вовсе, а просто в гости к кому-то пришла? Мыслям и сомнениям парня не было конца, когда вечером он вспоминал улыбку девушки с белыми кудряшками и лучистыми голубыми глазами. Она шла в общежитие днем, значит, если там живет, то завтра снова будет возвращаться в то же время. И назавтра машина такси спряталась за углом соседнего дома, а водитель стоял и курил недалеко от крыльца общежития, то и дело посматривая на улицу, ведущую к трамвайной остановке. Саша узнал ее сразу, хотя одета она была в другое платье. Отвернулся, и она прошла мимо, не обратив на него внимания. Когда поднялась на крыльцо, из дверей вышла девушка:

– Лариса, ты хлеба купила?

– Купила батон.

– Ну, ладно, тогда я не пойду в магазин. А то мы не договорились, кто сегодня хлеб покупает, а у нас ни крошки. Дежурство надо установить, что ли.

«Вот идиот, приехал специально, чтобы познакомиться, а сам испугался, – думал Саша, направляясь к машине. – Но зато теперь знаю, что зовут ее Лариса и она точно здесь живет».

Несколько дней Саша дежурил у общежития – все обеденные перерывы простаивал здесь. А иногда, если был поблизости, заруливал и в рабочее время, не думая, что почти каждый день не привозит план. Он несколько раз видел девушку, но все не мог придумать, что скажет ей, когда подойдет.

На этот раз он опять простоял час у общежития. Нервно курил у машины. Вот бросил сигарету и уже взялся за ручку дверцы, как услышал за своей спиной:

– Что-то подозрительно часто это такси стало встречаться. Лара, может он кого-то ищет? – сказала Наташа.

Саша резко повернулся на голос и нос к носу столкнулся с Ларисой и ее подругой.

– Вы меня узнаете?

Девушка посмотрела на него, на такси, улыбнулась, как тогда в трамвае:

– Как вы меня нашли?

– Я тогда все время ехал за вами, а потом несколько раз подъезжал к вашему общежитию, я уже знаю, что вы здесь живете. И даже ваше имя уже подслушал.

Познакомиться, оказывается, было несложно. Наташа даже назвала номер комнаты и пригласила в гости в воскресенье.

– Ну-ка, рассказывай, как ты так быстро сумела подцепить городского? – спрашивала Наташа подругу, когда они поднимались на крыльцо.

Саша был на седьмом небе от счастья. Точно, влюбился, а еще не верил в любовь в первого взгляда.

Куча новых знакомых за полтора месяца, общежитские порядки, где по вечерам могли завалиться в комнату на чай парни и девчонки с их филфака или соседнего исторического – к этому Лариса уже привыкла. Можно было даже после занятий пойти в кино с любым из парней-однокурсников. Это ни к чему не обязывало. Ну, что ж, раз Наташа пригласила этого таксиста в гости, пусть у них будет еще один знакомый.

Саша частенько наведывался к ним в комнату. Часами спорил с девчонками на политические темы или обсуждал нашумевший фильм. А потом неизменно просил Ларису:

– Погуляем?

Они ходили по усыпанным золотом листьям улицам, болтали о чем-то, иногда забредали в кино. Лариса понимала, что у Саши серьезные намерения: он пришел из армии, работает.

Но не решалась сказать, что у нее есть жених: получится, он еще ничего не предложил, а она уже отказывается.

– Лариса, приходи в воскресенье к нам, с родителями познакомишься.

Ну вот, как раз такой момент, когда надо ему сказать о Володе.

– Твои родители еще поймут что-нибудь не так. Обычно ведь знакомят с невестами. А у меня уже есть жених. Мы с Володей дружим со школы. Он учился на класс старше. Когда уходил в армию, я обещала его ждать. А еще мы пообещали подробно писать о себе каждую неделю. За год я получила пятьдесят писем.

Вот так-так! Признание сразило Сашу наповал. Почему это он решил, что у Ларисы не было до него никакого парня? Он что-то промямлил, пытался отшутиться. Но в основном они молчали, пока шли до общежития.

Домой Саша вернулся грустным, заперся в своей комнате. Настроение не подняла даже любимая музыка. А наутро, собираясь на работу, вдруг подумал:

– Ну и что жених. Пока он служит, чего только не изменится. Я сам в армию уходил, был влюблен в соседскую девчонку, давали клятвы друг другу. Через год она вышла замуж, а мне уже было все равно. И сейчас встречаю ее с ребенком, когда приходит к матери, никаких эмоций. Кто сказал, что у Володи больше прав на Ларису, чем у меня?

И Саша снова пришел в знакомую общежитскую комнату в гости. Проболтав с девчонками весь вечер, совсем уже поздно собрался домой, распрощавшись со всеми у дверей.

– Да ладно тебе, Лариса. Ну и хорошо, что рассказала ему о Володе. Может, Саша из-за кого-нибудь другого теперь к нам ходит, – засмеялась Наташа. – Может, из-за меня.

Теплые осенние месяцы как-то сразу сменились холодами: днем шел снег с дождем, к утру подмораживало. Сашины визиты продолжались. И снова он, как обычно, попросил Ларису:

– Пойдем, погуляем?

Она устала за целый день от лекций и занятий в читальном зале и согласилась: так хотелось глотнуть свежего воздуха. В конце концов, она честно сказала ему о Володе, а прогулка ни к чему не обязывает.

Шли по привычным улицам: маршрут прогулок как-то сам собой сложился. Лариса неуверенно остановилась перед огромной лужей, заполнившей и дорогу, и тротуар. Под снежной кашей не было видно, глубоко ли. Саша, не раздумывая, подхватил девушку на руки и перенес через лужу, зачерпнув ботинком ледяной воды.

– Ты же промочил ноги. Можно было повернуть назад.

– Пустяки.

И хотя Лариса то и дело предлагала: «Пойдем домой, ты простудишься», Саша настаивал пройти весь их маршрут.

Назавтра он опять пришел к ним в гости. Вид был явно нездоровый. Потом Саша несколько дней не было, и Лариса решила позвонить ему домой. Адрес и телефон он ей записал давно, но ни разу она не воспользовалась им. А тут случай особый.

Приятный женский голос ответил, что Саша болеет, у него высокая температура, и он только что заснул. Лариса чувствовала себя виноватой. На другой день купила яблоки и поехала навестить Сашу. Как раз было воскресенье. Подходя к квартире, долго сомневалась, а потом решилась и нажала кнопку звонка. Дверь открыл Саша с замотанным горлом. Он страшно обрадовался. От волнения Лариса не соображала, как знакомясь с его родителями. Очухалась только, когда Саша усадил ее в своей комнате. Извинялась, что из-за нее он болеет.

Из кухни по всей квартире поползли запахи стряпни. Вскоре Сашина мама пригласила их пить чай.

– Какие у вас ватрушки вкусные. Такие только моя мама умеет печь, – не могла удержаться от похвалы Лариса.

А хозяйка так приятно улыбалась, девушка ей явно понравилась.

Зима прошла в обычных встречах. Саша навещался к девушкам в общежитие. Новый год встречали на улице целой гурьбой – у наряженной в центре города елки. Лариса еще пару раз была у Саши дома, но исключительно по уважительным причинам. Один раз приходили с Наташей за словарями: в библиотеке их на дом не выдавали, а у Сашиной мамы, которая работала учительницей, они были. В другой раз Саша пригласил ее на день рождения, отказаться было неудобно. Компания была большая, и Лариса в ней, к ее удовольствию, затерялась. Она познакомилась с его друзьями, было все нормально, никто к ней с расспросами не приставал.

И все-таки перед каникулами состоялся этот неприятный разговор. Оба его ждали и оба предвидели исход. Саша предложил:

– Выходи за меня замуж.

– Я не могу.

– Конечно, я таксист, а у тебя скоро будет высшее образование.

– Ты говоришь полную чепуху. И учиться тебе никто не мешает. Саша, ты славный, но люблю я Володю.

– Но почему его?

– Я не знаю. Наверное, никто не знает, почему одного человека он любит, а другого нет. Саша, давай договоримся, что это наша последняя встреча, не будем мучить друг друга.

У Саши хватило характера больше не появляться в общежитии. Особенно трудно было остановить себя, когда снова пришла осень и он знал, девчонки вернулись с практики. Когда маршрут его такси проходил по улицам, где шли трамваи от университета к общежитию, он невольно бросал взгляд на трамвайные окна. Но больше знакомое лицо не появлялось. Осталась только фотография, где они рядом на его дне рождения: Лариса смотрит на него и улыбается.

С работой было плохо. Цены на такси подняли сразу в три раза. Если раньше на стоянках скапливались очереди из желающих уехать, то сейчас машины часами ждали редких пассажиров. Плана нет, зарплаты нет, одна нервотрепка. Таксисты рады были любому заказу. Когда молодой парень поймал пустую машину и сказал, что понадобится часа на три – друг женится, Саша согласился: нечасто выпадает такая удача. Сейчас молодожены, особенно студенты, часто так делают. Заказывать специальную машину намного дороже, чем поймать такси на улице. А что без ленточек-шариков, так это их не очень волнует.

– Куда ехать?

– Я покажу.

Если бы он сразу сказал, что к общежитию университета, к Саше, может быть, и закралось бы подозрение, и он отказался бы ехать, придумав уважительную причину. Но когда после команд пассажира: «направо», «налево», «снова налево» до него дошло, к какому общежитию они подъезжают, было поздно.

У крыльца уже стояло одно такси. У машины суетились ребята и девушки, среди них Наташа. Она не обратила внимания на подъехавшую машину, смотрела на дверь общежития. А вот появилась на крыльце и невеста. Ну, конечно, это была Лариса. А рядом невысокого роста, совсем юный жених, даром, что армию прошел. Лариса тоже не заметила Сашиного такси. Наташа торопила ее, усаживая в первую машину. К Саше набились незнакомые ему девчонки и парни, и он облегченно вздохнул. Всю дорогу он думал об одном: лишь бы она его не узнала, иначе он будет совсем глупо выглядеть.

– Ну, вот и все, – подумал Саша, высадив студентов после загса у общежития, и резко кинул машину на повороте, разбрызгивая весеннюю грязь.

II

За двадцать с лишним лет работы таксистом Саша изучил каждую выбоину на улицах огромного города. Ему его работа нравилась. Иногда за двадцать-тридцать минут он узнавал столько любопытного о своих пассажирах. Потому они, наверное, и откровенны были с таксистом, что встреча была мимолетной. Еще привык Саша обращать внимание на перекрестки, где светофоров нет, а пешеходов много. Однажды он сбил девочку, бросившуюся под колеса его такси. Саша правила не нарушил. Водитель он был опытный, и нога сама вдавила педаль тормоза. Удар пришелся вскользь. Но все равно, пока вез девочку в больницу, переживал. Хорошо, что все обошлось ушибами. Уж лучше перестраховаться, глянуть, не торопится ли кто перебежать у него перед носом улицу.

– Лариса!

Саша резко затормозил, дал задний ход. Точно, на перекрестке стояла она: те же белые кудряшки из-под шапочки, те же голубые глаза, почти не изменилась. Пешеходы еще стояли, пережидая поток машин. Саша выскочил из такси, крикнул:

– Лариса!

Она обернулась. Не узнала. Но осталась стоять на тротуаре, хотя все уже двинулись через дорогу. Когда он подошел ближе, не то утвердительно, не то вопросительно произнесла:

– Саша?

Он вспомнил о пассажире, вернулся к машине:

– Извините...

– Ничего, ничего, мы почти приехали, – рассчитался с водителем и вышел из такси.

– Холодно, садись в машину, – пригласил Саша Ларису.

Она юркнула в теплоту салона рядом с водителем, повернулась к Саше.

– Неужели это ты? Усы, короткая стрижка, а раньше были локоны до плеч. Я тебя не узнала. Сколько лет прошло? Двадцать?

– Зато ты все такая же. Сколько в тебе? 55 кг, из них два лишних, как ты всегда говорила?

– Да, только морщины на лице сплели целую паутину. Ну, как ты? Рассказывай!

– Да что особо рассказывать.

– Ну, как, за двадцать лет что-нибудь да произошло.

Саша с минуту молчал. Потом улыбнулся:

– Вот сейчас тебя увидел и понимаю, что ты была моя единственная любовь. Я женился, потому что мне показалось, Таня похожа на тебя. На первый взгляд, чисто внешне так оно и было. Но моя жена совсем другая. Родилась дочка. Я предложил назвать ее Ларисой. Жена ничего не знала о тебе, имя ей понравилось. Я ничем не обижал Таню, но и не любил. Она вроде тоже многого не требовала. Как-то сидели с моей мамой, листали альбом. Она спросила, кто рядом со мной на фотографии. Ну, помнишь ту на дне рождения. Мама сказала:

– Лариса.

Жена тогда поняла, почему я дочку так решил назвать. Фотографию порвала. Ревностью меня изводила, хотя не к кому было. Я ей говорил, что не видел тебя много лет, знакомство наше прекратилось задолго до встречи с ней. А потом психанул: чего я оправдываюсь. Мы развелись. Дочку я со страшной силой любил. Таня ушла с ней к своей матери. Я все выходные приходил туда, носил Ларисе подарки, конфеты. Теща моя – женщина мудрая, с мамой они подружились, как-то сумели нас помирить. Мы опять сошлись. Но с годами Таня так и не смирилась, что я не смог ее полюбить. К Ларисе стала относиться с холодком. Вот сына любит, он на пять лет младше дочери. А Лариса на будущий год школу кончает, собирается поступать в медицинский.

– Ты знаешь, а ведь я на твоей свадьбе был, – вдруг сказал Саша.

Лариса взглянула на него вопросительно.

– Ну, то есть не на самой свадьбе. Одно из такси, которое возило вас в загс, было мое.

– А я не обратила внимания.

– Конечно, до того ли тебе было. Ты все еще любишь своего Володю?

– Это чувство трудно назвать любовью, то есть той пылкой влюбленностью, которая была в юности. Но когда он уезжает в командировки, я так же тоскую и считаю дни, как считала, когда он служил в армии. А когда Володя дома, бывает, ворчю: это забыл, то сделал не так. Первое время ссорились по пустякам, стремились переделать под свой лад я его, а он меня. Теперь так привыкли друг к другу. Когда он рядом, так спокойно.

– По тебе не скажешь, что ты счастлива и довольна жизнью. Внешне не изменилась, недаром я тебя сразу узнал. Но очень уж уставшая, темные круги под глазами.

– В машине уже совсем темно, а ты даже печаль в глазах разглядел, – пошутила Лариса. – Это сын, Виталий.

Его в армию забрали, когда в Чечне уже началось. Сейчас ведь парни всеми правдами и неправдами стараются службы избежать. А Виталик сказал:

– После школы поработаю, потом в армию, проверю, на что способен, а после уж в институт, как отец.

Переубеждать было бесполезно. Характерец у парня еще тот. За то, что в армии его будут обижать, я не боялась: за себя он постоять умеет, да и в секции боевых искусств много лет занимался. Но не дай Бог, в Чечню отправят. Через полгода учебки попал во Владикавказ, а там ведь совсем близко. Я писала сыну: «Не смей проситься в Чечню». А он отвечал: «Ну, что ты, мама, наша служба не пыльная, охраняем склады. Погода тут чудесная, абрикосы, персики. Курорт, не то, что у вас на Урале. Хотя по дому скучаю». И так во всех письмах: тепло, фрукты, курорт. А как разберешься, откуда письмо, когда на конвертах один только номер полевой почты?

Однажды вечером прибегают соседка, спрашивает:

– Ты видела, вашего Виталика по телевизору показывали. Привезли раненых из Чечни в наш госпиталь, прямо у самолета журналисты их и снимали.

А я местные новости не смотрела, готовила ужин на кухне. Говорю:

– Да ты обозналась, наверное.

– Нет, – говорит. – Точно Виталик. Его так долго во весь экран показывали, на носилках лежал.

Я в слезы. А она:

– Чего реवेशь-то? Раненый ведь, не убитый.

Муж был в командировке. Я все бросила и в госпиталь поехала. Пока добралась, там все закрыто. Еле до дежурного достучалась. А у него списка вновь прибывших еще не было. Так и не узнала, там Виталик или нет. До утра возле проходила. А там уж выяснила, действительно, привезли его вчера вместе с большой группой раненых и сразу прооперировали, он в реанимации. Как мне удалось убедить главврача, чтобы меня к нему пустили, не знаю. Только проснулся он, а я уже рядом.

Ранило его в живот, когда на зачистке Грозного были. Их БМП подбили. Стали вылезать из машины, ранило лейтенанта. Виталий вернулся за ним, уже почти до подвала разрушенного дома дотасил, рядом граната взорвалась. Осколками живот изрешетило. Очнулся в полевом госпитале, там наскоро сделали операцию, да неудачно, уже тут, у нас, снова резали. Главврач говорит, повезло, с такими ранениями выживает один из тысячи. Вот так в общих чертах. Подробности он мне не рассказывает, отшучивается: «Что прошло, то быльем поросло».

Потом, когда Виталия уже в палату перевели, я его упрекнула:

– На каком же хорошем курорте ты, сын, служил?

– А что тебя было расстраивать? Ночей бы не спала.

– Не послушался, сам попросился на войну?

– Прости, мама, сам.

Потом еще было несколько операций. Там, в госпитале, и узнал Виталик, что наградили его орденом Мужества. Скоро уже выписывают.

– Ты сейчас куда? – спросил Саша.

– В госпиталь, к сыну. Теперь у меня одна дорога.

– Так я тебя подброшу.

– Подбрось. Давно я на такси не каталась.

По дороге Саша вдруг сказал:

– Когда мы с Татьяной развелись, я подумал: а вдруг у тебя с мужем не заладилось и ты свободна. Потом просто очень хотелось увидеть тебя. Но не знал, здесь ты живешь после университета или уехала.

– Так ведь очень просто было узнать в горсправке.

– Но я не знал твою фамилию по мужу.

– Я не меняла фамилию. Мы с девчонками, заканчивая школу, пообещали друг другу: если кто-то станет знаменитостью: артисткой, писателем или журналистом – не менять фамилию, чтобы мы сразу поняли, кто эта знаменитость. Сейчас понимаю, ребячество. Я долго мечтала перейти на работу в газету или на телевидение, но так и преподаю всю жизнь в школе. И знаешь, не жалею. А вот фамилию, когда выходила замуж, оставила свою. У сына отцовская фамилия – Ковалев.

– Слушай, так это о нем писали недавно в областной газете?

– О нем.

– И как я не догадался, когда ты сказала об ордене?

Такси остановилось у госпиталя. Саша предложил:

– Я тебя подожду. Потом отвезу домой.

– Не надо. Я долго пробуду, – сказала Лариса. Потом спросила:

– Как мама?

– Скучает без дела на пенсии. Даже внуки выросли и уже не о ком заботиться.

– Передавай ей привет.

Благородная Нинель

Вообще-то ее зовут Нина, Нина Скворцова – обычные имя и фамилия. А Нинель – это скорее прозвище, которое приклеилось к ней еще на первом курсе университета, потому что держалась Нина чрезмерно высокомерно; когда была чем-то недовольна, на лице изображала презрительную гримаску. Одним словом, Нинель. На самом деле, она оказалась нормальной девчонкой, умела дружить, иногда жертвовала собой ради подруг. И все-таки иначе как Нинель ее теперь не звали.

Не скажешь, что Нинель была красива. Но если хотела, она становилась необыкновенно привлекательна. Часами могла удерживать внимание к себе даже в большой и незнакомой компании, потому что была начитанна, умна, могла поддержать разговор на любую тему, вовремя задать вопрос собеседнику. А ее деланное высокомерие на нужной грани, скорее неприступность и отстраненность, оставляли у новых знакомых желание разгадать ее, а значит, снова встретиться с Нинель. Круг знакомств ее был широк. Но подруг, настоящих, с которыми могла поделиться всем самым сокровенным, всего три: одна школьная и две университетских – еще с первого курса, среди них и Маша, которая самой первой выскочила замуж. И правильно сделала: муж ее был отличный парень, пара – позавидовать можно.

Училась Нинель легко. После каждой сессии в ее зачетке появлялся новый лист, заполненный в основном «отл.», реже «хор.». До красного диплома она чуть-чуть не дотянула, но распределение получила отличное – в республиканское министерство культуры и укатила в Среднюю Азию. Одна из немногих выпускников ее курса Нинель сразу получила квартиру. Тогда ей многие позавидовали, потому что хороших мест предлагали немного. Но всех «прелестей» жаркой, с обилием фруктов и совершенно незнакомыми традициями республики не знал никто. Зато это быстро поняла Нинель. Она бы выучила язык народа, среди которого предстояло жить, и без труда, с ее-то способностями. Но душа ее сопротивлялась такой резкой перемене – от привычной жизни города в центре России к дикому и непонятному укладу чужого народа. И привычный к анализу ум диктовал: чем дольше она здесь пробудет, тем меньше шансов останется выбраться отсюда. И ровно через год Нинель вернулась домой, не отработав по распределению положенного срока. Причину для начальства в министерстве придумала элементарную: не переносит жаркого климата. И просимулировать эти недомогания перед местными врачами тоже не составило труда.

Квартира у родителей была просторная. Работу Нинель нашла легко. Подруги, которые жили здесь, обрадовались ее возвращению. Правда, все вместе встречались не так часто, как в студенческие времена. Но в день рождения Нинель в квартире ее родителей всегда было тесно от гостей. И почти каждый год появлялся новый человек: очередная подружка выходила замуж. Иногда всеобщее веселье прерывал детский плач из соседней комнаты: значит, кто-то из девчонок, не желая пропустить традиционную встречу у Нинель, ехал к ней вместе с ребенком, и неважно, месяц был малышу или год.

Вот только Нинель не желала связывать себя семейными обязанностями. Поклонников у нее было по-прежнему много, были и предложения. В гости к подругам она чаще всего заезжала неожиданно, как правило, с новым воздыхателем: то на «Волге» ухажера в годах, то на «Жигулях» проворного молодого щеголя, то на общественном транспорте в сопровождении скромного, как сама говорила, непризнанного гения. Сердце Нинель по-прежнему оставалось спокойным. Не отрицала она для себя возможности брака по расчету, но пока в ее расчетах что-то не сходилось.

Одно Нинель не учла: молодость – товар скоропортящийся. Вдруг все старые отвергнутые поклонники растворились в пространстве, а новые не появились. И тогда она поняла, что, кажется, может остаться совсем одна. В какой-то период Нинель решила целиком посвятить

себя работе, преуспеть, чтобы о ней заговорили. Года три своей жизни она потратила на это, действительно, добилась успехов: ее портреты печатали в газетах, у нее брали интервью, она и сама писала и печатала стихи. Но все равно чего-то Нинель не хватало в жизни. Когда впереди маячило 30-летие, Нинель запаниковала было. Но успокоила себя, решив, что одна не останется – родит ребенка. Выбор будущего отца тоже подзатынулся: слишком высокие требования Нинель предъявляла к партнеру, заботясь о наследственности будущего дитя.

Нинель устала. После долгих лет напряженной работы без отпусков она взяла путевку в санаторий, и не на юг, куда все стремились, а в тихое, уютное Подмосковье, где стояла чудная золотая осень. Настроилась отдохнуть на всю катушку, оторваться. Как будто сбросив лишние пяток лет, появилась в первый же вечер на танцплощадке обворожительная, абсолютно неотразимая. И как прежде, у Нинель не было отбоя от поклонников. Особенно настойчив был импозантный, далеко за сорок мужчина, как оказалось, директор завода. Нинель как-то очень легко отдалась ему. И теперь чаще проводила ночи в его одноместном номере, чем у себя – в соседней гостинице, где располагались отдыхающие попроще: в двухместных номерах без холодильника и телевизора. Нинель абсолютно не волновали пересуды за спиной, она, что называется, закусила удила.

Вечером на танцах появились новые отдыхающие, которые прибыли только сегодня. Одно молодое лицо заинтересовало Нинель. На его фоне она вдруг разглядела все недостатки своего кавалера: выдающийся живот, просвечивающую сквозь редкие волосы лысину и все его сорок с лишним лет. Разочарование никак не отразилось на ее лице, маску она держать все-таки умела. Но от близости в эту ночь настойчиво отказалась, сославшись на более чем уважительную для женщины причину, и ушла к себе.

К завтраку Нинель, как обычно, пришла с опозданием: любила утром понежиться в постели. Увидела за соседним столиком так привлекшего ее внимание молодого человека. Хотя на месте стояли все приборы со специями, Нинель обратилась к нему: «Позвольте соль» и одарила его очаровательной улыбкой. Из-за стола поднялась, едва притронувшись к еде, потому что он поднялся и пошел к выходу. У раздевалки, подойдя к нему с плащом, попросила: «Вы не поможете мне?» Ну, а дальше познакомиться не составило труда. Володя жил в Поволжье, в молодом современном городе, куда приехал после института, работал в НИИ, был очень увлечен испытаниями какого-то прибора. И с удовольствием обо всем этом рассказывал Нинель. Ей было интересно слушать, хотя в технике она мало что смыслила.

Нинель влюбилась. До сих пор она не знала, что такое любовь. А это оказалось одновременно и сложное, и очень простое чувство. Души влюбленных должны быть настроены на одну волну. А волна Нинель абсолютно совпала с Володиной. Он тоже увлекся ею, забыв, что дома жена и трехлетний сын.

Маленький скандал с бывшим любовником Нинель пережила легко, напомнив ему о преклонных годах и отсутствии каких-либо обязательств с ее стороны. Тем более что директору завода через пару дней предстояло уезжать, ну, запаковал чемоданы чуть пораньше.

Близости с Володей Нинель жаждала, как никогда и ни с кем в жизни, хотя, честно сказать, опыт у нее по этой части был совсем небольшой. Через день закончился срок путевки соседки Нинель, а новую пока не подселили. Эта ночь была их. Володя признался, что никогда не изменял жене, но не жалеет о том, что произошло.

Две самые чудесные в жизни Нинель недели пролетели, как один миг. Они пообещали писать друг другу. Нинель записала в своем блокноте телефон и адрес Володи, но договорились, что письма она будет отправлять на главпочтамт до востребования.

Вернувшись домой, Нинель обнаружила, что беременна. Еще две недели – и сомнений не осталось: так оно и есть. Если бы это был ребенок Володи, Нинель родила бы его. Но все подсчеты и пересчеты дней не давали такой уверенности: слишком быстро она прыгнула из одной постели в другую. А теперь, когда она так сильно любила Володю, Нинель было противно

думать, что отцом ее ребенка может оказаться другой. Она сделала аборт, сумев скрыть свою проблему и от родителей, и от сослуживцев.

А вот Володе написала, что была беременна от него, но, испугавшись, избавилась от ребенка, а теперь жалеет об этом. Зачем она так написала, Нинель и сама не знала. Может, интуитивно чувствовала, что так привяжет к себе Володю – человека очень порядочного.

Их роман в письмах длился год. Нинель жила ожиданием конвертов, надписанных Володиной рукой, по несколько раз перечитывала его признания в любви.

В конце лета ей вдруг страстно захотелось увидеть его. И не просто увидеть, а оставить на всю жизнь рядом с собой. Надежды, что он разведется, которыми она питала себя первое время, иссякли. Значит, надо повторить те чудесные часы близости, плодом которых станет ребенок.

Она купила билет, села на поезд. В Н-ске на вокзале расспросила, как добраться до улицы, на которой жил Володя, нашла его дом. Нинель села на лавочку во дворе возле его подъезда. На улице смеркалось. И что же дальше? Нинель увидела на углу телефон-автомат. Уже набрав номер, тут же повесила трубку: что она скажет, если подойдет жена? Нинель подождала и, когда мимо нее проходил мужчина, попросила его:

– Я наберу номер, а вы попросите подойти к телефону Володю.

– О, с удовольствием, – понимающе улыбнулся мужчина. – Я сам такой.

К телефону, действительно, подошла жена Володи, мужчине пришлось объяснять, что это звонят с работы, надо срочно обсудить одно дело. А когда дождался, что на том конце провода ответил мужской голос, передал Нинель трубку и снова улыбнулся:

– Удачи.

Нинель попросила Володю спуститься, сказала, что она совсем рядом с его домом. Он появился какой-то растерянный и смущенный: одно дело – спрятать письмо любовницы от жены, которая после его возвращения из санатория явно что-то почувствовала, другое дело – придумывать объяснение его длительного отсутствия сегодня. Прикрываться друзьями, значит, надо посвящать друзей в свою любовную связь, а этого не хотелось. Володя явно тяготился неожиданным приездом Нинель. Чувство к ней еще осталось, но страх быть уличенным в измене потихоньку стирал его. Володя не был ловеласом, который с легкостью бы начал и закончил любовный роман. Володя любил жену и дорожил семьей, но и боялся обидеть Нинель.

– Я так рад тебя видеть, но мне не хотелось, чтобы жена узнала о тебе, она и так давно что-то заподозрила, – мямлил Володя. – У нас сын, мы ждем второго ребенка.

Нинель вдруг посмотрела на себя со стороны: жалкая соблазнительница! Стало обидно до слез, что крылья ее любви, на которых она мчалась в этот незнакомый город, так безжалостно обрезаны. И кем? Любимым человеком! Но не такова Нинель, чтобы показывать свою слабость. Она взяла себя в руки.

– Да ты не переживай, Володя. Я к тебе завернула проездом, была тут неподалеку в командировке. Боялась написать тебе, что пора прервать нашу связь, боялась обидеть. Вот и решила увидиться и поговорить с глазу на глаз. Я выхожу замуж.

Нинель видела, как Володя облегченно вздохнул.

– Давай попрощаемся здесь, – она поцеловала его в губы, горячо, как раньше, встала и ушла.

В привокзальной гостинице Нинель вырвала из блокнота листок с Володиным адресом и сожгла его в пепельнице. Но разве сотрешь цифры его телефона из памяти? Утром ей так хотелось позвонить ему. Но она пересилила свое желание. А вскоре поезд навсегда увез ее из этого города.

К Маше Нинель заявила, как всегда, без предупреждения. Считай, не навещала подругу больше года.

– О, с прибавлением тебя, – сказала Нинель подруге, когда та вышла в прихожую с малышом на руках. – Кто: мальчик, девочка? Дочь. Вот и хорошо, есть теперь у твоего старшего сестренка. Парень в школу пошел? Так ты теперь опять первоклассница!

И все эти замечания по поводу перемен в жизни лучшей подруги мимоходом, равнодушно.

После чая они уселись на диван, выпроводив мужа Маши с детьми гулять на улицу. И Нинель рассказала подруге все свои любовные похождения последнего года, не давая ей вставить и слово.

– Зачем я тебе все это рассказываю?

– Да, зачем? – повторила Маша. – Не виделись целую вечность. Я дочь родила, а ты даже не спросила, как ее зовут. Подробно посвящаешь меня в свой курортный роман, тем более что он закончился.

– Дура! Я предупредить тебя пришла, чтобы мужа своего никуда одного не отпускала. Знаешь, как много таких, как я. Любого порядочного мужика соблазнить могут. Поняла?

«Какая все-таки благородная эта Нинель!» – подумала Маша.

Гроза в августе

Было Успенье. Еще накануне Анна собиралась с дочками в церковь в соседнее село. Она и сама-то бывала в церкви только по большим праздникам, а девочек брала с собой и вовсе редко. Для нее, привычной к сельской работе, восемь километров – не путь, а малышкам пешком туда-обратно – устанут. И на руки уже не возьмешь, Танюшке и то шесть скоро. Старшей Вале через несколько дней в первый класс, и Анна решила обязательно сводить девочек к причастию.

Поднялись рано. По холодку шагало споро. Но только солнце поднялось выше, стало палить. Это же надо, конец августа, а жара, как в середине лета.

В церкви прохладно. Распевный голос священника, молитва. Ушли в сторону все заботы, в душе наступило умиротворение. И девочки рядом молились тихо. Из церкви вышли просветленные.

На службе народу было много, а после толпа быстро растаяла – все разошлись по домам, стало пустынно. Анна с девочками шла не торопясь по широкой улице большого села. Спешить было некуда, да и жара донимала – не разбежишься.

Вдруг на краю неба показалась туча. Поднялся ветер и понес песок по дороге. Черная полоса моментально скрыла солнце. И вот уже упали в пыль первые крупные капли дождя. Вдалеке сверкнула молния, следом страшными раскатами пророкотал гром. Гроза.

Ливень обрушился сразу потоками воды. Анна схватила дочек за руки и втолкнула на крылечко ближайшего дома. Все трое вжались в стену, но сбоку все равно заливало, ноги стали мокрые.

Открылась дверь, и на пороге показалась крепко сбитая, одних с Анной лет женщина.
– Заходите в дом, девчушки-то вон намокли.

Анна, было, пропуская дочек вперед, шагнула в сени и замерла: из-за плеча хозяйки смотрел Степан. Ее Степан.

...В деревне матери девок блюли. Как только заневестятся, внушали: принесешь в подоле – прибыю. Сколько раз попадало Анне от матери ремнем, вожжами, скалкой – что под рукой оказывалось, когда возвращалась поздно. Да не темная ночь ее грех прикрыла. Отдала она свое девичество Степану в жару, после купания – не могла устоять против его клятв, не могла унять свою горячую кровь.

Был он не их села, притопапал в гости к дяде. Появился на вечерке высокий да крепкий, глазами то на одну, то на другую девку постреливал. Зачастил к ним в село, не раз сиживал с Анной на берегу озера, нашептывал разные слова, от которых заходило сердце.

Беременность ее первым заметил отец. Мать со своими горшками да крынками не больно-то разглядывала, что там ее девка: дома теперь сидит – и хорошо. Допытались родители, кого благодарить за дочерин позор. Заслали к Степану старших сыновей. Того отец хорошенько поучил вожжами да отправился Анну сватать.

Валю она родила, уже живя в свекровом доме. Только Степан появлялся там нечасто. И в сельсовет после свадебного застолья, как собирались, они не сходили. Первое время он все отговаривался, что в городе на заработках, потом и вовсе дома месяцами не был. Проплакала Анна год, мужа поджидаячи. А после того, как принесли ей известие, что в городе Степан живет у женщины, сказала свекрови:

– Какой уж он мне муж. Поеду я домой.
– Дак поезжай, девка.

Так и вернулась с ребенком в родительский дом. Отец на дочь рукой махнул. У сыновей все нормально, живут мужики своими семьями, а дочери, видно, Бог счастья не дал. Да и болеть старик начал, со своими хворями – не до дочериних забот. А внучка чего, вырастет.

Да, видно, не ходит беда одна. Как не редко заезжал Степан домой, а, оказалось, прощались она со свекровью уж беременная. Отец Анны умер до рождения Танюши. И ладно: а то опять бы ее позор переживал. Мать после еще два годка проскрипела и тоже отправилась на покой. Осталась Анна с дочерьми жить в родительском доме. Работала много – копейка в совхозном саду давалась нелегко. Братья помогали. Голодом не сидели – и то спасибо. Вон Валя уже в школу идет.

О Степане с тех пор, как уехала от свекрови, никаких известий до Анны не доходило. А тут вон он смотрит через плечо хозяйки, что приветливо приглашает в избу.

Первым ее порывом было схватить девчонок за руки и убежать.

– Мама, я пить хочу, – запросила Таня.

– Заходите, девочек напоим, накормим, – опять позвала хозяйка.

– И правда, заходи, Анна, – подал голос и Степан. На удивленный взгляд жены сказал: – Это жена моя первая.

– Катя, – протянула та руку Анне и еще настойчивее стала приглашать в дом.

– Почему бы и нет? – подумала Анна и смело шагнула в сени.

Степан все-таки немножко растерялся, то истуканом сел за стол, то вскочил и давай помогать жене носить с кухни пироги и закуски. Потом все уселись. Налили по рюмке настойки – за знакомство. Графин опустел быстро. Непьющая Анна захмелела и совсем осмелела. Поначалу вроде стеснялась: брошенная жена, значит, ущербная. А хмель развеял сомнения: нисколько она не хуже Катерины. Вон двух каких красавиц родила, а у той ребенка нет. А Катерина, видно, баба хорошая, добрая, над Степановыми дочками щебечет, увела и спать уложила – уморились крошки.

Степан достал гармошку. Играл он хорошо еще в парнях. Анна с Катей все песни перепели, грустная – слезы вытирали, веселая – в пляс пускались.

Из гостей уже пошли под вечер. И дождь давно прошел, и дороги просохли. На крыльце Катя обняла ее, поцеловала. Расцеловались и со Степаном:

– Аннушка, в нашем селе будешь, заходи к нам.

Неродная

Валентина любит субботу. Проводит мужа на работу, сына в школу. Не спеша приберет в квартире. Сходит в магазин. А к обеду настряпает пельменей. Ее мужчины уже привыкли, что по субботам обязательно бывают пельмени, и не позднее двух всегда приходят домой, а потом целый час блаженствуют над тарелками. Ей так нравится смотреть на их сытые физиономии.

Звонок в дверь, нетерпеливый, настойчивый. Сын. Не стряхнув муки с рук, Валентина открыла дверь и снова поспешила в кухню: что-то она сегодня не успевает с пельменями. Потом машинально взглянула на часы: всего двенадцать. Не отрываясь от работы, спросила:

– Что-то ты сегодня рано, ведь у вас по субботам четыре урока.

Подняла глаза. Сын в пальто, с портфелем в руках стоял в дверях кухни:

– Мама, это правда, что ты мне неродная?

У Валентины все похолодело в груди, руки застыли над столом, она отвела от сына глаза...

Спроси Валентину, когда полюбила Мишу, она и не скажет. Жили в одной деревне, каждое лето ребятня всей ватагой уходила в лес по грибы-ягоды. Миша жалел девчонок, все время кому-нибудь помогал нести корзинку до дому. Валентине редко выпадало такое счастье: она была девчонка крепкая. Правда, один раз притворилась, что ногу подвернула. Миша нес ее корзинку, и Валентине так приятно было идти с ним рядом и болтать ни о чем. В школе она видела Мишу только мельком на переменах – он учился на класс старше. Зато, когда узнала, что он в воскресенье ходит в клуб на танцы, тоже побежала туда, хотя мать ругалась и грозилась выпороть. Теперь Валентина стала пристально разглядывать себя в зеркало, но придраться ни к чему не могла. То, что она красивая, Миша тоже видел и уже не отходил от нее на танцах, вечером провожал до дому.

После школы Миша поступил в военное училище. Когда пришла телеграмма родителям, в тот же день вся деревня знала, что Миша будет учиться на офицера. Валентина тоже радовалась, хотя и знала, что теперь редко будет видеть его. Только тогда поняла она, что любит, когда месяцами ждала писем – уж очень ленив был Миша на письма и скуп на слова. В зимние каникулы Миша был в деревне всего несколько дней, только и сходили один раз на танцы. А летом он приехал какой-то не такой.

Валентина видела, как в воскресенье утром он прошел с отцом и матерью со станции. Весь день она ждала, что он заглянет на минутку, а вечером надела свое лучшее платье и помчалась в клуб – уж танцы-то он точно не пропустит.

Валентина стояла в дальнем углу зала вместе с девчонками. Они обсуждали парней, что появлялись в клубе. Но все ждали Мишу: интересно, какой он стал. Миша появился в дверях, девчонки замолчали. Он смелым оценивающим взглядом осмотрел каждую с головы до ног. Когда его глаза встретились с глазами Валентины, она гордо вскинула голову, фыркнула и отвернулась. Подружка сказала:

– Нужны ему деревенские, он в городе себе кралю найдет.

Когда Миша пригласил Валентину танцевать, она отказалась: пусть поухаживает за нами, за деревенскими. Но и того заело, больше он в этот вечер к ней не подошел. После танцев девчонки, как обычно, собрались идти к реке, из клуба выбежали шумной толпой. Парни стояли у дороги, курили. Проходя мимо, девчонки замедлили шаг, засмеялись громко. Увидев среди парней Мишу, Валентина подхватила под руку подружку и громко, чтобы все слышали, пропела частушку:

Галифе мои худые

Разорвались до колен.

Хотел осенью жениться —

Поросенок околел.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.